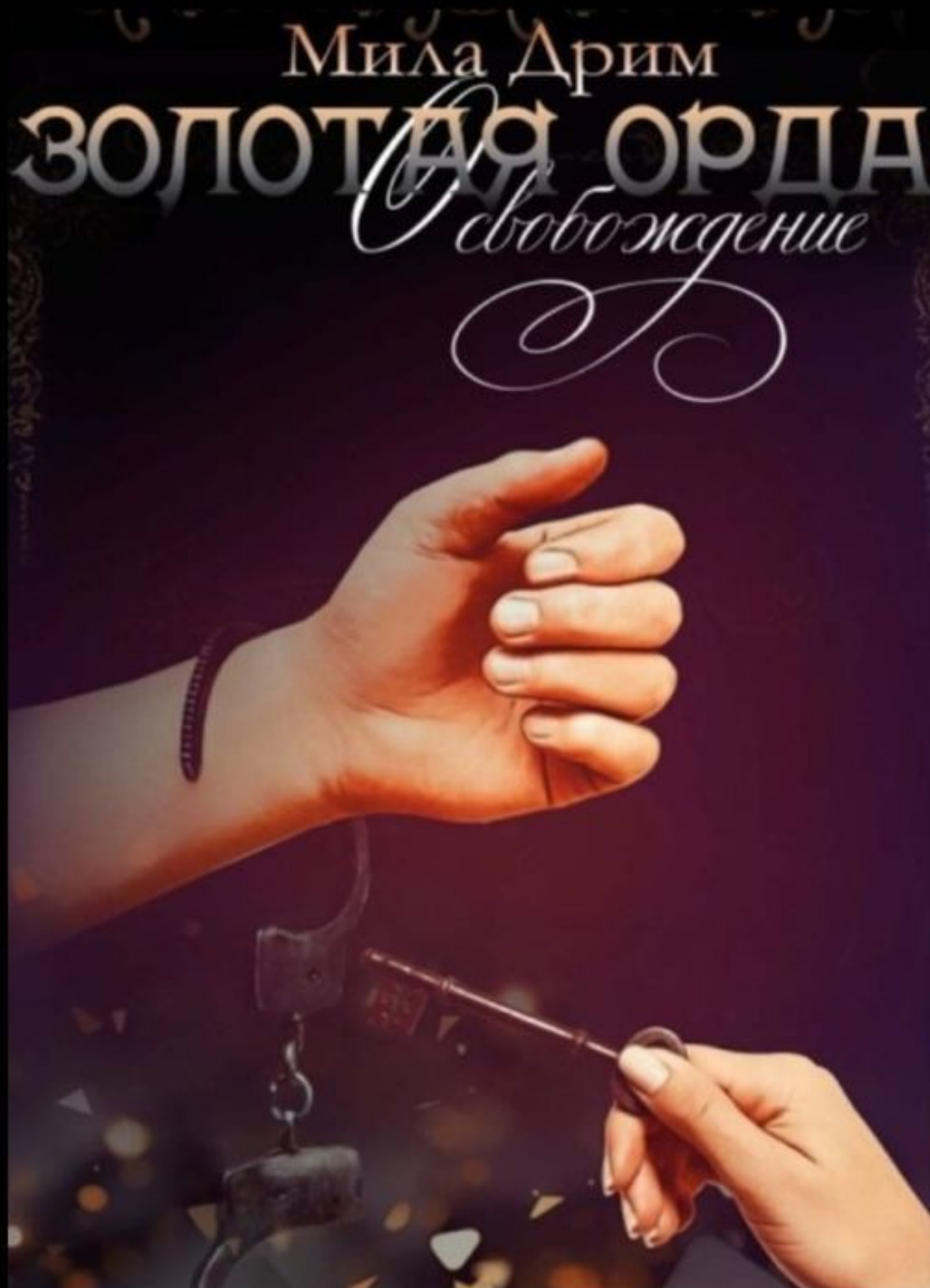

18+

Мила Дрим

Золотая Орда. Освобождение

«Издательские решения»

Дрим М.

Золотая Орда. Освобождение / М. Дрим — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987517-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. У настоящей любви бывают испытания. И, кажется, это коснулось и нас. Тучи сгущаются над нашими головами, завистники не дремлют, и люди, которым доверяли раньше, готовы погубить твоё счастье. Хватит ли у нас сил спастись и, самое главное, сохранить семью и любовь друг к другу?

ISBN 978-5-44-987517-4

© Дрим М.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	13
Тимур	15
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	17
Камила	19
ГЛАВА ПЯТАЯ	20
Камила	23
ГЛАВА ШЕСТАЯ	25
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	27
Тимур	29
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	30
Тимур	31
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	32
Камила	32
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	33
Тимур	33
4 недели спустя	34
Камила	35
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	37
Камила	37
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	40
Тимур	40
Камила	41
Тимур	42
ОАЭ	43
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	44
Камила	45
Тимур	47
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	48
Камила	48
Тимур	49
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	50
Тимур	50
Камила	51
Тимур	52
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	53
Тимур	53
Камила	55
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	56
Тимур	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Золотая Орда. Освобождение

Мила Дрим

© Мила Дрим, 2020

ISBN 978-5-4498-7517-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Золотая Орда.
Освобождение.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Апрель, 2007 год, Центральная Россия.

Камила.

Я услышала оглушающий, разрывающий тишину предродовой палаты на осколки, крик. Дернувшись, я поняла – это кричу я. Тело, горящее огнем, разламывающееся от боли, уже не принадлежало мне, не слушалось моего разума. Агония, разрывая, выкручивая всю меня, поднималась, все выше и выше. Я, вцепившись в края металлической кровати, снова закричала – *умирая от боли*. Все эти подготовки к родам – позитивное мышление, настрой на благополучный исход, правильное дыхание, гимнастика – все разбилось в пух и прах. Боль была слишком сильна, а я, судя по всему, слишком слаба. В короткий момент передышки между схватками, я устремила затуманенный взор в окно – там начинался рассвет.

– Тимур, где же ты, – еле выдохнула я, а потом, боль снова накрыла меня, заставляя еще сильнее закричать...

За два дня до этого.

Я с трудом поднялась с кровати – о да, с таким выдающимся животиком, делать это было непросто – кажется, он основательно примагничивал меня к постели. Накинув халат, я тихонько пошла на кухню. Стояло раннее, прохладное утро. Наш уютный дом утопал в мягкой полутьме. Я шла аккуратно, не торопясь, оберегая себя и то чудо, что было под моим сердцем. С кухни доносился приглушенный шум. Я прислушалась – кто-то делал чай. Охрана так рано приехала? Или же, муж поднялся ни свет ни заря? Для этого были, вероятно, особые причины. И в этот раз – не тренировки.

– Привет, – произнесла я, открывая дверь и заходя в комнату. Мой нос уловил приятный аромат чая с бергамотом – во время беременности, как ожидалось, мои вкус претерпели изменения, и я просто влюбилась в этот напиток. А ведь раньше предпочитала либо кофе, либо любой чай в пакетиках. Теперь подавай мне – настоящий, как говорит Тимур, чай – крупнолистовой, и непременно, свежий.

– Привет, – Тимур, обернувшись, послал мне теплую улыбку. Он, одетый в джинсы и темный джемпер, что-то ловко резал ножом и я, присмотревшись, поняла, что муж делает бутерброды с конской колбасой.

– Давай, я сварю еще кашу? – предложила я, застыв на месте и ожидая ответа. А хотелось сесть и начать завтрак. Очень. Я не была из тех беременных, которые поглощали пищу по ночам, поэтому утром я была особенно голодна.

– Давай сегодня без каши, садись завтракать, – Тимур поставил бокалы с чаем и бутерброды на стол, и, дождавшись, когда я сяду, сел справа от меня.

– Спасибо, ты, как всегда, заботлив, – испытывая искреннюю благодарность, прошептала я, поднося ко рту чай и делая медленный глоток сладкого напитка.

– Мне несложно, – муж приподнял уголки своих губ, одаривая меня теплой улыбкой. Удивительно, но я сразу почувствовала, как согреваюсь, и дело было тут не только в чае.

– Есть причина, почему ты так рано встал? – скорее утверждая, нежели спрашивая, произнесла я. В сердце уже успела закрасться тревога – каждая поездка Тимура, особенно, теперь, давалась мне нелегко.

– Да, мне нужно отлучиться на 3 дня в соседний регион, – Тимур окинул меня внимательным взглядом, – ты справишься? Что врач вчера сказала на осмотре?

– Она сказала, что мне точно еще недельки две ходить, – я грустно улыбнулась, – справлюсь ли я?

Вопрос повис в воздухе. Муж прошелся по мне задумчивым взором. Зелено-карие глаза источали принадлежащую лишь мне, нежность. И я мгновенно стала таять от нее. Тимур протянул смуглую руку и провел ей по моим распушившимся, после сна, волосам.

– Я не хочу уезжать, – произнес муж своим глубоким, властным – даже сейчас, голосом. – Но есть такое слово «надо», и я обязан поехать.

– Ясно, – я опустила взор, пряча от любимого свои глаза. Если раньше я была чувствительна, то теперь стала еще больше такой. Слезы уже были близко, но мне не хотелось расстраивать Тимура – тем более, перед дорогой.

– Эй, джаным, – чувственно протянул муж, и я лишь шумно вздохнула, выдавая свое состояние. Теплые пальцы коснулись моей прохладной щеки. Эти пальцы бережно прошлись по моему лицу, обрисовали контур губ и опустились на мою ладонь. Я подняла на Тимура грустный взгляд. Мой муж смотрел на меня с любовью.

– Три дня пролетят незаметно. Лучше решить дела сейчас, нежели потом, когда наш ребенок родится, – Тимур наклонился ко мне, целуя в висок. Я сомкнула веки – в который раз от нахлынувших чувств. Во мне боролась рассудительная, взрослая женщина и та пугливая девочка, нуждающаяся в заботе. Я заставила себя улыбнуться и, из последних сил сдерживая слезы, произнесла:

– Езжай спокойно. Я понимаю, что это ты делаешь для всех нас.

– Спасибо за понимание, – муж благодарно улыбнулся мне и поцеловал в губы – долгим, полным нежности, поцелуем. Я наслаждалась этой лаской, впитывая ее в себя, пытаюсь запомнить этот благословенный миг. Увы, он был прерван звонком на телефон. Нехотя, Тимур отстранился от меня и ответил.

– Братья уже здесь, – сообщил муж, поднимаясь на ноги. – С тобой останутся Наиль и Ильнур. Я еду с Рустемом.

– Хорошо, – я начала медленно подниматься из-за стола, и муж придержал меня за предплечье, – спасибо, Тимур.

Теплая ладонь опустилась на мой животик. Я замерла, наблюдая за мужем – он наклонился, целуя меня в живот, что-то шепча. Как я любила эти мгновения! Тимур погладил его, а затем, выпрямившись, обнял меня – бережно, чтобы не причинить дискомфорта. Я всхлипнула. Ну, вот, пожалуйста, все-таки расплакалась.

– Все будет хорошо, – произнес муж, и я, как и прежде, верила ему. С тяжелым сердцем, но любящей улыбкой, я провожала его в путь. Застыв на пороге, я, кивнув братьям, не сводила глаз с любимого мужчины. Тимур что-то приглушенно сказал Ильнуру и Наилью (видимо, очередной приказ относительно меня), затем, распахнув дверь внедорожника, начал, было усаживаться. Но, внезапно, остановившись, обернулся, бросая мне взгляд. Сперва, я почувствовала, и лишь потом разглядела его – в нем была любовь к нам: ко мне и нашему ребенку.

Тимур

– Ты все взял? – произнес я, обращаясь к Рустему.

– Да, порядок.

– Я думаю, надо пару подарочков захватить, что скажешь? – я посмотрел на брата.

– А того, что мы взяли, маловато? – Рустем приподнял брови, показывая этим недопонимание.

– Давай захватим, на план «ч», – ответил я, меняя курс джипа, и съезжая с трассы на грунтовую дорогу – напрямиком в лес.

В нескольких километрах от города у нас имелась своя «турбаза», на которой мы отдыхали и тренировали новобранцев. Здесь имелся неплохой тир – под открытым небом, полоса препятствий и несколько домиков. Территория принадлежала нам и хорошо охранялась. Один

домик охранялся больше других – это был штаб. Круглосуточная охрана, видеонаблюдение и склад с «игрушками» для взрослых мальчиков.

Спустившись в подвал, который больше был похож на бункер, мы взяли несколько ручных гранат и дополнительные магазины с патронами. Мне вспомнился эпизод из армейской жизни, как один чудак засунул гранату под каску и встал на нее. Видимо, он хотел сыграть в супермена, но ноги разъехались, и каска воткнулась ему в пах. Больше я его не видел. Грустно улыбнувшись, я подумал, что я тоже любил чудить, и хорошо, что до такого не додумался.

– Яры, пошли, – сказал я.

– Это все? – удивился Рустем.

– Да, я хотел показаться перед нашими, чтобы не расслаблялись, – я пошел на выход. Рустем остался закрывать толстую, железную дверь, замаскированную под ламинат в полу.

Через полчаса мы уже были на трассе, и даже Рустем не знал, куда мы едем. Он, как всегда, не задавал лишних вопросов. А я мог спокойно подумать о грядущих переменах, которые обязательно должны были случиться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Камила

– Ну, и как ты поживаешь, пингвинчик? – окидывая меня теплым, лучистым взглядом, поинтересовался Ильнур.

– Как видишь, – я развела руки в сторону, показывая свой подросший за эти 2 недели, животик (именно столько мы не виделись), – становлюсь все больше и неповоротливее.

– Ой, не наговаривай на себя, Камилка, ты, как всегда, очаровательна и изящна, – протянул черноглазый красавец, поднося к губам бокал с чаем. Мои щеки защипало от смущения – я все еще не могла привыкнуть к манере общения Ильнура, хотя мы были уже давно не чужими друг другу. Из всех братьев Тимура, которых я любила сестринской, чистой любовью, именно черноглазый красавец был мне особо близок. Видимо, тогда, когда он получил пулю, а я сидела возле него, произошло это сближение. Теперь, Ильнур, после того, как выздоровел, был моей личной охраной – мне было приятно его общество, меня радовало его доброта, но я все еще, иногда, смущалась от его комплиментов – чисто братских, но все же...

– О, да, я сама леди изящество, – улыбнулась я, наливая себе бокал чистой воды. Пить хотелось именно воды, хотя гинеколог рекомендовала мне употреблять не более литра жидкости в день (включая супы, фрукты) – из-за неравномерной, уже по 1 кг в неделю, прибавки веса. Я честно пробовала так делать, не пить более литра, но мой организм воспринял это в штыки – и уже вечером я валялась с высоким давлением и лишённая всяких сил, что, в принципе, было для меня не присуще. Наверное, я бы продолжала пробовать – ведь это рекомендации врача, однако Тимур, рывкнув (именно рывкнув) – в приказном порядке велел мне не ограничивать себя в воде (тем более, кроме веса, все показатели были в норме), и перестать мучить себя и нашу дочь.

Да, мы ждали дочку. Как воспринял эту новость столь мужественный, властный человек, мой Тимур? С присущей ему мудростью. Эта новость вызвала искреннюю радость у моего мужа. Надо ли говорить, что это сделало меня еще счастливее? Я не сомневалась – Тимур будет самым лучшим отцом для нашей малышки. И у нее будет все то, о чем я лишь могла мечтать, будучи маленькой девочкой – любовь, защита, безопасность.

– И какие планы у нас на сегодня? – полюбопытствовал Ильнур, бросая на меня смеющийся взгляд. – Все, как обычно – прогулки вокруг дома, просмотр «лунтика» перед сном?

– И чертовски ранний, в 4 утра подъем? – весело улыбаясь, добавил Наиль. – Ничего не изменилось ведь за эту пару недель?

Я посмотрела прямо на Наиля – в его янтарных глазах застыла надежда – что я, наконец-таки, буду вставать чуть позже, но, увы, я не могла его этим обрадовать.

– Да, без Тимура я не могу долго спать, – ответила я, окидывая, сначала Наиля, в модной рубашке и брюках, а потом, и Ильнура – в облегающей, темной кофте и джинсах, теплым взором. Кое-что привлекло мое внимание, а именно, это было темно-красное пятнышко на шее черноглазого красавица. Я не сразу догадалась, что именно это, поэтому, как бывает со мной, невинно поинтересовалась у Ильнура:

– А это что у тебя на шее? Надеюсь, не заразно?

Я действительно переживала об этом – роды были не за горами, и всякая инфекция могла усугубить их течение и, тем более, быть крайне опасной для ребенка. Как только я задала вопрос, случилось несколько вещей. Наиль глухо рассмеялся, толкая брата в бок, а Ильнур, почти покраснев, подтянул ворот повыше, бурча себе под нос:

– Совсем не заразно.

Наконец, до меня стало доходить, что красное пятно – не что иное, как засос. Теперь пришла моя очередь смущаться.

– Извините, – выдохнула я, покидая кухню.

Мне нужно было срочно побыть в одиночестве. Мне было стыдно, странно, и беспокойно. Я устало опустилась на кровать, пытаюсь прийти в себя. Мое переменчивое настроение все еще удивляло и, признаться, я не надеялась, что оно стабилизируется в ближайшее время. И все равно, я частенько проявляла контроль над собой, например, как совсем недавно, когда провожала Тимура. Хотелось плакать, но я сумела удержаться от того, чтобы повиснуть на любимом. И только я знала, каково это было.

Я прошлась взглядом по спальне – у стены уже стояла собранная кроватка для нашей дочки. Медленно поднявшись, я подошла к ней, с мечтательной улыбкой и сладким теплом в сердце, разглядывая ее. Розовые бортики, розовая простынка, полупрозрачный балдахин – все выглядело так, как я и Тимур хотели. Я прикрыла глаза, представляя, как совсем скоро тут будет лежать наша малышка. Интересно, на кого она больше будет похожа?

Я почувствовала толчок справа – наша дочка давала мне знать, что с ней все в порядке. Я ласково погладила животик, снова ощущая под своей ладонью мягкие толчки.

– Поедем к бабушке, доченька, – произнесла я, абсолютно уверенная в том, что малышка слышит меня. Еще один толчок, только уже слева. Я расплылась в счастливой улыбке – у меня не было причин грустить.

– Доченька, еще один беляшек съешь, – тепло, улыбаясь мне, произнесла мама, подкладывая ко мне в тарелку третий по счету пирожок. – Ребят, еще чаю и беляшей?

– Не-а, рахмят (спасибо), – ответил Ильнур, откидываясь на спинку мягкого дивана.

– Я тоже наелся, спасибо, Римма Ибрагимовна, все было очень вкусно, – сказал Наиль, возвращая на стол пустой бокал. – Мы пойдем, в зале посидим, а вы общайтесь.

Я улыбнулась, испытывая благодарность к моей догадливой охране. Мне не нужно было ничего говорить им – они сами все понимали.

Я отломил кусочек теста и запихнула его в рот. Вкусно, не то слово. Жаль только, минут через 10 начнется изжога. Бррр.

– Мам, а как Маша? – поинтересовалась я у мамы на счет своей старшей сестры – она тоже была беременна, и тоже ждала дочку, только вот-вот должна было родить.

– Да ничего вроде, я на прошлые выходные к ним ездила, – мама как-то странно улыбнулась. Неестественно, и нехорошие догадки обожгли мне сердце.

– Я ее даже не видела за всю беременность-то, – поделилась я своими мыслями.

– А когда видеться-то? – мама положила передо мной чашку с лимоном. – Поешь, изжоги меньше будет. Маша в городе, ты за городом, то у нее дела, то у вас. Увидитесь еще.

Я положила на язык тонкий ломтик лимона. Меня, аж, передернуло от того, каким кислым он был. Я быстро прожевала его и проглотила, надеясь, что он действительно поможет мне против изжоги.

– Я тебе говорила, что дядя Шамиль в больнице? – мама убрала со стола грязные тарелки.

– Нет, а что с ним? – я замерла, ожидая ответа.

– Да что-то непонятное. Вчера положили. Думаю, завтра его навестить поеду, – по лицу мамы было видно, что она что-то недоговаривает. Я почувствовала – дело совсем плохо. Она окинула меня внимательным взглядом, замечая мою тревогу.

– Так, доченька, – начала мама, – иди пока в комнату, а я тут проветрю. Душно что-то.

– Да тепло же, – отозвалась я.

– Нет! Вдруг продует еще. Иди.

Тон мамы был учительский. Я, не желая спорить, поблагодарив ее, напрямик направилась в свою комнату. Мою бывшую комнату. Теперь она разительно отличалась от того, какой была раньше. Да и сама квартира – здесь был сделан современный, качественный ремонт этой зимой, куплена новая мебель и бытовая техника. Изысканные обои, идеально ровный, белый

потолок – все радовало глаз. Стоило мне только заикнуться Тимуру о том, что неплохо было бы помочь маме с ремонтом, как мой муж решил этот вопрос в два счета. Мамочка, конечно, сперва, сопротивлялась, не соглашалась, но я сумела ее уговорить – и не зря. Видели бы вы ее глаза, когда она, совсем, как в известной ТВ-программе, зашла в обновленную квартиру. Радость, изумление, восторг! Ее глаза сияли счастьем.

Я прилегла на небольшой диванчик и прикрыла глаза, наслаждаясь тишиной и спокойствием, внезапно окутавшим меня. Поместив ладонь на животике, который тут же пришел в активность (как обычно это и бывало), я погрузилась в дрему, убеждая себя, что 10 минут отдыха мне не помешает. А потом – домой. А там – уже и один день прошел, и до встречи с любимым останется всего 2 дня.

Телефонный звонок пробудил меня от сладкой дремы. Пора вставать и возвращаться домой. Я медленно встала и, дожидаясь, когда мне станет чуть легче (после сна была слабость), направилась на кухню – откуда доносился мамин голос. Я прислушалась – она что-то беспокойно говорила. Я уловила скорбные нотки. «Видимо, дядя Шамиль умер», – пронеслось у меня в голове. По груди стал расплзаться противный холодок, и странное предчувствие нечто более страшного пронеслось по моим венам. Жуткое ощущение.

– Мам? – я посмотрела на маму, замершую с трубкой телефона у открытого окна. Мама перевела на меня настороженный взгляд.

– Кто-то умер? – понимая, что ответ будет «да», спросила я.

– Да, – мама шагнула ко мне, – умер твой папа.

Тимур

Мы ехали около 7 часов. Настало время размять ноги, да и встретиться с сопровождением на этом участке. Наша дорога лежала на юг, и местная братва любезно пригласила нас в гости и, естественно, гостеприимно встретила на подъезде к их региону.

5 огромных джипа стояли на условленном месте – заправке. Наша машина была узнаваема издалека, и не успели мы подъехать, как у всех автомобилей открылись двери, и суровые мужчины встали полукругом, радушно приветствуя нас.

Я подмигнул Рустему – это означало «расслабься, им с нами нечего делить, а друзья в нашем лице им очень даже нужны».

Брат слегка напряженно улыбнулся – как и всегда, он был сверхбдительным. И надо отдать ему должное – это иногда спасало нам жизни.

Я открыл дверь, видя того самого Мурата – человека-легенду и грозу этого региона. Это был жестокий, но справедливый мужчина. Горец с интересной судьбой. Мы уже несколько раз пересекались с ним. Он был на 15 лет старше меня, и, возможно, мудрее лет на 20. Я снял свою кожаную куртку и кинул ее в салон. Я сделал это не потому, что мне было жарко, а потому, что я показывал – что я доверяю ему, как хозяину этой территории, и тем самым обязываю его быть моим покровителем и защитником, тем самым и предоставляя ему честь сделать это. У этого гордого народа существует культ гостя, а такие гости, как мы, особо ценны по понятным причинам.

– Мурат, – улыбнулся я, протягивая руки вперед. Он уже шел к нам с широкой улыбкой на бородатом, смуглом лице. Мы обнялись, сжимая друг друга не столько сильно, сколько искренне, радуясь встрече. Его охрана немного расслабилась, убирая свои руки с лацканов пиджаков, из-под которых без стеснения высовывались рукояти пистолетов. Кинжал среднего размера висел на ремне у Мурата. Наверное, он даже спал с ним.

– Как дорога, дорогой Тимур? – со свойственным этому народу акцентом, поинтересовался Мурат.

– Слава Всевышнему, Который оберегает нас, дорога была спокойной, – ответил я, указывая рукой на брата, – это мой брат – Рустем. Я рассказывал тебе о нем.

– Рустем, – протянул Мурат, – рад знакомству. Брат Тимура – мой брат.

– Я тоже рад, Мурат, – почти стихами сказал Рустем. Мы рассмеялись, уловив непроизвольную рифму.

– Хорошо, что вы приехали пораньше, у нас большая программа. Надеюсь, ты погостишь несколько дней? – горец еще шире улыбнулся.

– Мы бы, конечно, с удовольствием, но, понимаешь, жена должна вот-вот родить, а тут это срочное дело, не могу пока расслабиться, тебе ли не знать, что «промедление смерти подобно».

– Ай, давай, не будем о грустном, сегодня – отдыхаем, а завтра – посмотрим! Как раз тебе покажу кое-что. Думаю, тебе будет очень интересно.

– Ай, поехали! – поддельвая акцент, согласился я.

– По машинам! – приказал Мурат.

Через час мы были в имении Мурата – высокий, каменный забор, по верху которого на раствор были посажены куски битого стекла, ограждал его скромный дом. Это было небольшое жилище, построенное еще родителями Мурата. А за домом стоял уже дом побольше, в котором жила его семья. Сам Мурат жил в доме родителей, лично ухаживая за ними.

– Так, сейчас немножко отдохнете-поспите, а потом начнем культурную программу, – заводя нас в новый дом, в самую большую комнату, сказал Мурат.

Жену и детей он отправил в дальнюю часть дома – чтобы они не мешали нам, а мы – им. Признаться, мы не особо были уставшими, но Мурату нужно было время, чтобы накрыть «поляну».

Я растянулся на свежей постеленной кровати и набрал на телефоне смс жене. «Любимая. Как дела?»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я пришла в себя уже сидя на стуле. В одной моей руке был зажат бокал с водой, в другой – россыпь желтых таблеток – валерианки. Единственное успокоительное, которое когда-то мне, часто взволнованной, разрешила врач. Я залпом выпила их и осушила бокал. Каждый сделанный глоток был направлен на то, чтобы уравновесить свои чувства – которые только начали пробуждаться. Мама, с подозрением смотрела на меня, ожидая, что я забьюсь в истерику. Но я, щадя его, и помня, что внутри меня маленькая, уязвимая жизнь, запретила себе. Просто запретила принимать эту новость полностью. Тогда я еще не знала, что лучше было сразу выплакаться, потому что моя реакция, имея отсроченное действие, принесла потом свои плоды.

– У него инфаркт, – добавила мама, когда поняла, что я в адекватном состоянии. – Он ведь пил последние месяцы.

Не удалось. Не получилось вытащить папу из пьяного омута. Даже лечение не подействовало на него. Видимо, одних лекарств было недостаточно. Здесь нужна была еще и сила воли, и принятое решение. И даже новость о том, что я – его любимица, скоро рожу дочку, не смогла промотивировать папу на то, чтобы прекратить пить. Алкогольная зависимость перевесила все.

Я смотрела на маму, задаваясь вопросом, а что испытывает сейчас она? Ее карие глаза блеснули от подступивших слез, и она, отвернувшись, произнесла:

– Значит, такова была его судьба.

Я молчала, не зная, что ответить. Судьба – судьбой, но, как говорится, выбор – за тобой. В моих воспоминаниях всплыло лицо отца – улыбающееся, доброе – именно таким он был совсем недавно, когда вышел после лечения. Устроился на работу охранником в магазинчик (муж предлагал ему помощь, но папа отказался), жил у друга, который, в конце концов, видимо, «помог» ему вернуться к алкоголю. Я могла лишь догадываться, что случилось на самом деле – с отцом мы виделись не очень часто (в принципе, как и с мамой по ряду причин). А теперь – это уже не имело значения. Горечь стала расплзаться по моей груди, а застрявшие рыдания сдавили мне горло.

– Доченька, – позвала меня мама, и я, подняв на нее взгляд, поняла, что она уже не первый раз зовет меня.

– Что? – прошептала я.

– Только что позвонили. Дядя Шамиль умер, – мама осела на стул – слабая, потрясенная, потерянная. Она горестно заплакала, пряча лицо в ладонях. Видеть ее такой было мучением, и этот момент мне так напоминал ту весну, 2 года назад, когда умерла бабушка и один из маминых братьев. Я поднялась на ноги и, подойдя к маме, обняла ее. По моим щекам тоже побежали слезы. Я обреченно закрыла глаза, ощущая подкрадывающийся ко мне страх. Вдруг, что-то случится и с мамой? Бедная моя, дорогая, любимая.

– Все, все, – мама шумно вздохнула, – я спокойна. Надо созвониться с женой дядя Шамиля, позвонить на счет твоего отца, связаться с его сестрой, Светой. Организовать похороны.

Она задрожала и судорожно сглотнула.

– Да, мама, – согласилась я, крутя в голове, что необходимо сделать первым.

«Любимая. Как дела?»

Короткое, на такое нужное сообщение светилось на дисплее телефона. Тимур, Тимур! Я глубоко вздохнула, чувствуя, как мне не хватает воздуха. Позвонить ему или нет? Сказать или...? Мне так была нужна его поддержка, его доброе слово, его сила. Я хотела бы, чтобы

он вернулся и помог мне. Я хотела, чтобы он прогнал подступавшую ко мне тьму. Спрятал, защитил. Сказал: «я рядом».

Мне нужен был мой муж, моя защита, моя опора, моя стена. Дрожащими пальцами я стала набирать на телефоне ответ.

«Мы у мамы. Все хорошо. Береги себя. Мы тебя любим».

Я нажала: «отправить». Я сделала это. Закрыв глаза, попыталась собраться с мыслями – в очередной раз за этот день.

Да, мне нужен был Тимур, но я понимала – сейчас он занят не самыми простыми делами, от которых, быть может, зависела его жизнь. Он ведь мне все не рассказывал. Берёг. Но все равно, то, что он не произнес, я почувствовала. Сердце не обманешь.

– Камил, – в приоткрытую дверь заглянул Ильнур, – а что мама у тебя плачет?

Я подняла глаза на красивого мужчину – на его лице застыл вопрос.

– У нас горе, – тихо начала я, – умер мамин брат и умер мой папа.

– Твою мать, – Ильнур провел пятерней по густым, черным волосам. – Ты как?

– Я не знаю, – выдавила я из себя, вставая, – но нам нужно заняться похоронами. Помочь деньгами. Ты понимаешь. Только прошу об одном.

– Да рядом я буду. И денег сейчас привезут. Не переживай, – пообещал Ильнур, уже готовый сорваться с места, чтобы начать решать этот вопрос.

– Нет, я не про это, – я качнула головой, заглядывая в черные глаза брата, – не говорите Тимуру. Нельзя его отвлекать.

Уважение, смешанное с восхищением, проскользнуло во взгляде Ильнура.

– Понял, сестренка, – черноглазый красавец повысил голос, – Наиль, иди сюда.

Тимур

Получив сообщение: «Мы у мамы. Все хорошо. Береги себя. Мы тебя любим», ответил: «Я вас тоже».

Положил телефон в сторону, ощущая внутреннюю тревогу. Слишком короткое было смс, видимо, что-то случилось, но Камила не хотела об этом говорить. Ладно, если это что-то очень серьезное, то братья известят меня. Но так как от них не было – ни звонка, ни сообщений, можно было немного расслабиться.

– Ты давно знаешь Мурата? – спросил Рустем, располагаясь на разложенном диване.

– Да, мы с ним в Самаре вместе начинали, сразу после армии. Он старше меня на 15 лет, его опыт очень пригодился мне, а мои навыки – ему. Когда мы приехали в этот город на Волге на старой «девятке», мы никого не знали, и нас никто не знал. Потом, мы помогли одному коммерсанту, и он любезно согласился сотрудничать с нами, и подтянул своих коллег. Так началась наша веселая, полная приключений, жизнь, пока вас не прогнали с детдома. Я решил отойти от этих дел в Самаре, оставляя на Мурата бизнес. В общем, мы ничего друг другу не должны, кроме хороших отношений и взаимоуважения. Ну, ладно, давай покемарим.

Я швырнул одну подушку Рустему, а сам удобно устроил голову на другой. Закрывая глаза, я увидел улыбающуюся жену и незаметно для себя улыбнулся сам.

Мы проснулись через 3 часа – хозяйский топот Мурата как бы невзначай, разбудил нас. Он принес огромный поднос с пловом, большими кусками мяса и головками пареного чеснока. Аппетитный аромат заполнил собой комнату.

– Просыпайтесь, гости дорогие, сам готовил для вас – сам зарезал, сам приготовил, – пробасил хозяин дома. Он широко улыбался, излучая хорошее настроение. Сейчас, Мурат создавал впечатление домашнего и родного человека, который, наконец-то, дождался своих дорогих гостей. Для своего пятого десятка, он двигался весьма грациозно. Его широкие, мозолистые ладони выдавали в нем богатырскую силу. Люди, пожимавшие ее, проникались уважением практически мгновенно, хотя Мурат никогда не жал руку слишком сильно.

– Сейчас немного покушаем и пойдем – покажу свою конюшню.

– Отлично, – я довольно улыбнулся. Я достал из сумки конскую колбасу и вручил ее Мурату со словами:

– Ты давно хотел попробовать.

– Ай, спасибо. Как теперь я своему коню в глаза смотреть буду? – засмеялся хозяин дома.

– Все бывает... – начал я, а закончил эту фразу вместе с Муратом:

– В первый раз!

Мы рассмеялись и принялись за плов.

Камила

Я долго не могла заснуть – впервые за эти месяцы я ночевала не в нашем доме, а в квартире мамы. Да, я могла уехать – и там мне было бы комфортнее, легче... Но я не смогла оставить маму одну.

Стоило мне только взглянуть на нее – такую слабую, одинокую, как мое сердце сделало выбор. Я боялась за нее, боялась потерять и ее. Странное предчувствие не покидало меня. Я хотела быть с мамой, и, как и прежде, быть для нее поддержкой. В тот миг я свято верила, что сильнее, чем раньше. Что у меня хватит сил.

Я продолжала быть наивной...

Еще днем Азамат, не вдаваясь в подробности, привез две пачки денег – на похороны родственников. Дядю, как этнического мусульманина, должны были хоронить уже завтра, ну а моего папу, как христианина – на 3 день.

У меня еще было время, чтобы решить – идти ли мне на его похороны. Возможно, кому-то казалось шоком – как это, не пойти на похороны родного отца? Но что-то подсказывало мне, что все это может плохо закончиться. Страшная догадка, что от охватившего горя, я могу потерять там ребенка, прошла по моему телу ледяной волной. Звучит ужасно, но я уловила запах смерти – парализующий, на фоне которого стало все меркнуть. Мне стало столь страшно, что малышка, почувствовав мое состояние, начала буйнить в животике – она стала активно вертеться и толкать меня, вызывая еще больше беспокойства. Я не знала, как успокоиться и успокоить мою дочку. Мне нужен был Тимур, его родной голос, его бережные объятия. Как я нуждалась в нем! И была так близка, чтобы позвонить ему. Я с тоской посмотрела на темный дисплей телефона. Но нет, у меня хватило силы воли оставить эту затею. Я справлюсь.

Вспомнив какую-то молитву на арабском, я стала монотонно повторять ее, пока, наконец, не заснула.

Я проснулась от телефонного звонка, разбившего раннее утро на осколки. Еще до того, как мама взяла трубку, я чувствовала – случилось что-то страшное. Я не ошиблась. Следом послышалось рыдание матери – истощное, завывающее, столь сильное, что даже Наиль и Ильнур выбежали из зала на ее плач.

Я села и, свесив ноги, попыталась набраться сил, чтобы подняться и принять ту новость, которую должна была вот-вот сообщить мне моя мама. Тяжело вздохнув, я наконец-таки встала и направилась напрямиком на мамино рыдание.

– Мам? – позвала я ее, застыв на пороге кухни.

Она обернулась, окидывая меня взглядом, полным невыразимой боли.

– Маша родила мертвую дочку, – произнесла мама.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тимур

Моим глазам предстала новая конюшня с деревянными стойлами и чёрный, как смоль, жеребец, который буквально упирался ушами в потолок.

– Это то, что я думаю? – восхищенно обратился я к довольно улыбающемуся Мурату, давая ему возможность самому похвалиться и сказать заветные слова.

– Да! Это ахалтекинец! Буквально на днях привезли. Хочешь? Подарю!

– Ай, Мурат, спасибо, конечно, но у меня нет – ни конюшни, ни времени ухаживать за таким красавцем, – я благодарно улыбнулся, глядя по морде жеребца.

– Смотри, мне ведь не жалко!

– Я знаю.

– Хорошо, тогда пойдем в баню, я знаю, ты не любишь время зря тратить, но мы с тобой давно не виделись, поедешь отсюда – свеженький, отдохнувший, силы тебе еще пригодятся и чистый разум тоже.

Баня был скромная, но очень уютная – топились по-чёрному, веники, можжевельники и бочонок с холодной водой для закаливания. Несколько часов мы вспоминали наши многочисленные приключения за тот короткий период, где-то смеялись, где-то грустили. Вдоволь напарившись и опустошив самовар, мы пошли на боковую. В этом регионе было теплее, чем у нас, и по ночам уже стрекотали сверчки.

– Во сколько встанете? – спросил Мурат.

– В 4—5, хотелось бы к обеду быть на месте, – ответил я.

– Хорошо, я приготовлю вам завтрак, чтобы вы голодными не ехали, и на обратном пути, тоже заезжайте, пожалуйста, я буду рад вас видеть. Мой дом для вас всегда открыт.

В 4 часа заиграл будильник. Похоже, Мурат совсем не спал, потому что, сразу после звонка будильника, он уже зашел с подносом в комнату.

– Давайте, не обижайтесь за скромный завтрак, – сказал он, – чем Бог послал.

– Ты что, Мурат, нас так дома не кормят, – улыбаясь, заметил Рустем.

– Точно, – поддержал я брата, отламывая теплую лепешку.

Около часа Мурат со своими бойцами провожал нас по трассе. На очередной заправке мы попрощались и поехали дальше.

Мы заехали в город – миллионник. Мои наручные часы показывали час дня. На первом же посту в нашу сторону выбежал сотрудник ГИБДД. Подняв свою «волшебную» палочку, указал мне на парковку. Я приспустил окно, доставая с бардачка документы на машину.

– Старший лейтенант Мартынов, предъявите, пожалуйста, документы, – будто разжевывая резину, произнес он.

Я протянул в окно документы, запоминая номер значка старлея.

– Куда едем?

– В гости.

– Надолго? – серые глаза выдавали непонятный интерес.

– Как получится.

– Сейчас проверим ваши номера, и поедете дальше, – Мартынов направился к зданию поста.

Рустем посмотрел на меня и сказал:

– Это то, что я думаю?

– Вероятно, нас ждут, – я набрал на телефоне номер. – Алло, Виктор, доброго дня.

– А, Тимур, – послышался доброжелательный и уставший голос, – добрый. Чем обязан?

– Да брось ты, мы же свои люди, – рассмеялся я, – я заехал к вам погостить, но на посту светлячки остановили. Документы проверяют. Хотел поинтересоваться – Болгарин в теме?

– А что у тебя на Болгарина? – оживился мой собеседник.

– Хотел на чай к нему зайти, но неподдельный интерес на посту создает плохое впечатление о гостеприимстве.

– Сейчас узнаем.

Я отключил звонок и перевел взгляд на Рустема – тот, сверля глазами, смотрел вперед, в сторону поста. Прошло несколько минут. Старлей так и не появился. Зато, появились менты.

– Что-то долго они сегодня, – заметил Рустем, по-акульки улыбаясь.

КАМАЗ с омоновцами перекрыл выезд из парковки, и они в своей «крутой» манере вывели нас из машины, заламывая нам руки.

– Руки на капот! Ноги – шире! – пиная по ногам, кричали люди в масках.

Камила

Я уже не могла сдержать слез. Привалившись к стене, в момент лишенная всяких сил, я заплакала. Это была одна из самых страшных новостей за всю мою жизнь, окончательно выбившая меня из мнимого спокойствия. Я снова была слабой, бесполезной, не способной что-либо изменить. Бедная, несчастная малышка. Мое сердце оплакивало ее, плача горькими слезами безысходности.

– Горе – то, какое, горе, – раздался у входной двери голос тети Оли и тети Ани – они завывали в унисон.

– Будто проклятие какое-то, – заметила тетя Оля.

Мама, рыдая, лишь кивала головой. Она была в ужасном состоянии – истеричном, почти сломленном – ее руки, голова, тряслись, лицо посерело. Моя мама выглядела еще хуже, чем тогда, когда умерла бабушка. Казалось, еще чуть – чуть, и ее хватит сердечный удар. Я, застывшая от ужаса, не могла пошевелиться – просто приросла к месту. Что делать, как быть?

– Бедный ребеночек, – запричитала тетя Аня, – а что случилось? При родах погиб или еще в утробе?

– Вот так беда, три гроба у вас, – качая головой, произнесла тетя Оля.

Внезапно, три пары глаз устремились на меня – мама, тетя Аня и тетя Оля. Они смотрели как-то странно, непонятно, но дрожь страха прошла по моему позвоночку, когда я, наконец, поняла, что значил их взгляд – они, сами того не осознавая, передали в нем свое опасение, что следующей жертвой будет моя дочка. Будто эта волна горя зацепила не всех, и пришел и наш черед. Словно этих трех смертей было недостаточно.

Я была слишком чувствительна, слишком ранима и уязвима – особенно теперь, беременная и без Тимура.

Я инстинктивно обхватила свой вмиг окаменевший живот руками, пытаюсь защитить мою дочь, сберечь ее жизнь. Мои ноги задрожали, сердце, до этого словно замершее, начало бешено стучать – все громче и громче, оглушая, истощая и без того мое ослабшее тело и разум. Меня замутило, и мне показалось, что я упаду в обморок.

– Камила? – позвала то ли тетя Аня, то ли тетя Оля.

– А? – сорвалось с моих пересохших губ. Чья-то рука коснулась моего левого плеча.

– Говорю, на похороны к отцу с кем поедешь?

Я попятилась назад и уперлась спиной в кого-то из братьев – никто другой не смог бы стоять столь близко ко мне. Мой живот снова сжало тугим обручем – и я еще сильнее обняла его.

– Я не поеду, – выдохнула я.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тимур

Мою машину обшмонали, выкладывая из нее наше добро на асфальт.

– Богатый улов нынче! – протянул один из бойцов.

– Куда едем? С таким багажом, – поинтересовался другой боец, ударяя меня по голове рукоятью пистолета. Характерный звук соприкосновения металла и черепа показались мне до боли знакомыми. Хотя боль была реальной.

– В гости пригласили, – ответил я, – но я вас в списке приглашенных не видел – мы ведь девочек не приглашали.

Еще один удар по голове подкосил мои колени, а моя щека поползла вниз, по капоту.

Рустем выругался, но поймал удар прикладом по спине на полу – фразе.

– Да вы герои! Или идиоты, – усмехнулся омоводец. И его самодовольная улыбка просматривалась даже через черную маску. У одного из бойцов запищал телефон.

– Да, слушаю, – чуть отстранившись, ответил он на звонок. – Полный комплект. Даже приправлять не пришлось. Хорошо, едем. В машину их!

Наши руки за спиной сковали браслетами, и бесцеремонно втащили меня и Рустема в обезьянник КамАЗа. Нас катали около часа. На своей спине я ощущал ноги бойцов, которые, время от времени, проверяли ее на прочность своими каблуками.

– Вот и приехали, гости «дорогие»! – заорал один из омовоцев над моей головой.

– Не переживай, мы много не едим, – процедил я.

– Ты у меня, сука, будешь асфальт жрать! – пальцы схватили за волосы и швырнули меня с КамАЗа на асфальт.

Не успел я откатиться в сторону, как ко мне «присоединился» Рустем. Нас, держа под руки, повели в какое-то заброшенное помещение и пристегнули наручниками к трубам. Видимо, здесь регулярно принимают «гостей», потому что на кафеле еще виднелись свежие кровавые разводы. «Значит, мы прибыли по верному адресу», – подумал я.

Бойцы не спешили уходить – вероятно, кого-то ждали. Они время от времени подходили к нам и оказывали нам свое внимание кулаками и прикладами автоматов. Тело ломило, и суставы начали затекать от неудобной позы. Знай, они Рустема, пристегнули бы его понадежнее. Но я не стал давать им такие рекомендации. Рустем по-братски проявлял терпение, поглядывая на меня и ожидая сигнала. Наконец, услышав сигнал в наушниках, омовоцы ушли.

Металлическая дверь, издавая гул, распахнулась. На пороге стоял человек средних лет. Он был в очках, в дорогом, деловом костюме. Окинув помещение холодным взглядом, мужчина шагнул внутрь.

«А он сильно изменился», – подумал я, разглядывая человека своим подбитым глазом.

Его хорошо охраняли. Многим он перешел дорогу. И, видимо, столь вошел во вкус, что решил проделать это и со мной.

– Тимур, что случилось? – саркастично спросил мужчина, аккуратно присаживаясь на корточки передо мной. Его ребята встали рядом, по бокам от своего шефа, разглядывая меня так, будто это не они приложили к этому руки и приклады.

– Сквозняк, надуло, да и мебель неудобная, – сидя на кафеле, ответил я.

– Ну, вот мы и встретились, ты, кажется, ко мне ехал?

– Спасибо, что встретил, твои ребята знают толк в «гостеприимстве».

Мои руки все еще были скованы, но Рустем, уже не привлекая к себе столько внимания, воспользовался предоставленной ему возможностью. Я улыбнулся Болгарину – в этот же миг скоба от наручников пронзила глотку стоящего справа от него охранника, с хлопаньем вырывая ему кадык.

– Черт! – крикнул второй, пытаясь вынуть ствол из кобуры, однако я подсек его ногами, и выстрел пришелся в потолок. Болгарин попытался убежать, его ждал сюрприз – я уже стоял на его пути.

Рустем засунул пистолет в глотку пока еще живого охранника столь глубоко, что выстрел получился приглушенным, но первый выстрел, все же, был услышан снаружи.

Омоновцы, бросая свои сигареты, ринулись в нашу сторону, попутно натягивая маски.

– Прикажи им залезть в обезьянник КамАЗа, – произнес я, держа ствол у левого глаза Болгарина. Я подвел его к окну так, что бы было видно лицо Болгарина. Рустем же встал у двери с трофейным пистолетом.

– Тихо всем! – крикнул Болгарин. – Слушай сюда!

Бойцы замерли, а Болгарин стал повторять мои указания:

– По одному подходим к КамАЗу, кладем оружие, маски, ножи, патроны – все на асфальт. Поднимаем руки, заходим в обезьянник. Кто дернется – замочим.

– Молодец, хорошо получается, – мой пистолет еще сильнее вдавился ему в глазное яблоко.

– Так, первый пошел, – продолжал повторять мои приказания Болгарин. Пот выступил на его лбу. Он заметно нервничал. А ведь это было только начало.

Но никто из бойцов не послушал Болгарина.

– Похоже, они не совсем идиоты, – сказал я Болгарину в ухо, – теперь, они будут желать твоей смерти.

В подтверждение этому последовал раздавшийся выстрел в сторону окна прямо у головы недавнего хозяина положения.

– Они тебя «любят», – теперь уже издевался я. – Даже если твоим бойцам удастся ликвидировать нас, ты будешь – следующим, потому что иначе, ты сам закажешь их, и все это понимают. У нас есть две гранаты, три ствола, как ты видел – патроны нужны не всем. И два твоих трупов. Ты отдаешь мне 100% ВСЕХ своих активов.

– Я знаю, что такое 100%, – ответил Болгарин злым голосом. – Вас все равно грохнут.

– Тогда о чем ты так переживаешь? И это еще не все. Ты мне сдаешь Гуся. И тогда, может быть, ты останешься жить. Повторюсь – твои ребята ждут твоей смерти. И даже если они грохнут меня, тебя они тоже грохнут.

Пока я беседовал с Болгарином, Рустем начал приготовления. Он снял бронежилеты с трупов, один из них – дал мне. Брат подтащил трупы к двери и ждал моей команды.

– Так ты согласен или убить тебя прямо сейчас? – прокручивая дуло в глазнице Болгарина, поинтересовался я.

– Да, да! Да, твою мать! – обреченно закричал он.

– Хорошо, – я улыбнулся, – попытка номер два.

Я повысил голос:

– Эй, девчонки, хотите живыми домой вернуться?

– Ты кого девчонками назвал, урод? – послышался голос прямо за стеной.

Еле уловимый хруст камней под подошвой омоновца повлиял на мое решение. Одна граната была у меня, вторая – у Рустема. Я выдернул чеку, показывая брату сигнал. Болгарин побледнел, отползая в угол. Рустем взвалил на себя труп окровавленного бойца и приготовился. Я кинул гранату в разбитое окно.

– Граната! – послышался крик снаружи.

Вторая граната вылетела в коридор, лишая возможности укрыться. Взрывы от обеих гранат прозвучали одновременно. Два периметра были очищены. Рустем выбежал из комнаты, добывая раненых и получая пули в наброшенное на себя мертвое тело.

Я выбежал следом, подхватывая оружие убитых бойцов. Мой брат показал 4 пальца. Мертвых считать я и сам умел. Осталось 4 человека. И, видимо, они не хотели сдаваться.

Внезапно, КАМАЗ завелся, и со скоростью врезался во входную дверь, затрудняя нам выход. Руستم положил перед собой труп и залег в дверном проеме. С водительского места спрыгнули двое – и спрятались за колеса машины.

Я подал брату автомат, подобранный мной секундами ранее и вернулся в пыточную камеру. Глаза Болгарина бегали по стенам, его лицо выдавало неподдельный интерес к бегству.

– Не вздумай бежать, – как топором в лоб, прорычал я.

Болгарин дернулся, как в припадке. Он понял, что я его легко раскусил.

Жить он хотел. Тварь.

Я выбежал в коридор, на ходу одевая наушники (тоже снятые с трупа). Частоту никто не менял, и мне было слышно, что замышляют пока еще живые бойцы. Увидев меня, Руستم улыбнулся – на нем тоже были наушники.

Они не ожидали, а мы просекли их. Двое охраняли вход, а двое – проникли в здание. Их-то я и намеревался встретить. Сняв брючный ремень с мертвого бойца, я подвесил его за шею на дверь, а сам встал с другой стороны. Переключка, видимо, уже была, и они знали, кто из них убит. Мне предстояло ввести их в заблуждение.

– Мы внутри с северной стороны.

Спасибо, теперь знаю. Либо они там, либо – с противоположной стороны, так как могли догадаться, что мы их слышим.

Двое по-прежнему охраняли вход – об этом свидетельствовал Руستم – он показал мне, что все в силе. Понятно. Пишем под диктовку.

Трупик, толкаемый моей ногой, раскачивался на двери. Часами ранее ногой толкал мою спину он. Парадокс.

Я сидел наготове, направив ствол в сторону прикрытой двери. Тот, кто ее откроет, в первую очередь, будет стрелять по чучелу, приняв его за живого. Так и случилось. Дверь резко распахнулась, и автоматная очередь изрешетила уже мертвое тело. А два моих выстрела с полулежачего положения, прострелили черепушки шустрых бойцов. Вот такая неожиданная неожиданность случилась с ними.

Осталось доиграть пьесу до конца.

– Все, концерт окончен, все чисто, босс мертв, – раздалось в наушниках моим голосом.

Руستم ждал. Из-за машины, крадучись, передвигались двое. Брат встретил их, расстреливая из-за автомата последних бойцов в упор. Кто-то мог еще затаиться, поэтому мы выжидали еще около получаса. Поспешись – в гроб угодишь. Но все оказалось чисто. Это были не омовцы, а наемники, которые выполняли самую грязную работу на разные организации.

Болгарин, сидя на заднем сиденье, подписывал дрожащей рукой папку с документами. Вид из моего джипа открывался на живописное русло полноводной реки, по которому шли яхты и пароходы. Красота.

– Ну, жить-то не передумал? – спросил я Болгарина, когда тот подписал последний документ. От моих слов мужчина дернулся.

– Спокойно, я не хочу тебя убивать, – я улыбнулся. – Пойдем, выйдем, подышим воздухом.

Я вышел наружу, как бы «случайно» оставляя пистолет на своем сиденье. Руستم, усмехаясь, вышел следом за мной.

Болгарин вышел из машины, направляя пистолет в мою сторону.

– Если опустишь пушку, останешься жив, – ровным голосом пообещал я.

– Сдохни, – нажимая на курок, ответил Болгарин.

Камила

Ильнур протянул мне бокал с чаем. Я, благодарно качнув головой, приняла напиток. Уставившись невидящим взором прямо перед собой, я начала медленно пить теплую, сладкую жидкость. Вот уже как два часа я была дома, и все это время сидела так – боясь уйти в спальню и остаться в одиночестве. Потому что мне было страшно, что что-то случится. Очередная потеря.

– Надо поесть бы, Камил, – произнес ласковым голосом Наиль.

– Да, – я вздрогнула, – в холодильнике пельмени есть, сварите себе.

– Да мы-то поедим, но и тебе надо покушать и племяшку нашу покормить, – сказал Ильнур, окидывая меня внимательным взглядом.

– Я что-то не хочу, – я откинулась на подушку – так спину тянуло меньше.

– Через не хочу, – черноглазый красавец перевел взор на брата, – Наиль, сварь на четверых.

Мы ели прямо в комнате – здесь было наиболее комфортно для меня. Пельмени были вкусными, но я смогла съесть лишь треть. Не было ни сил, ни желания. Ела ради дочери. Она должна жить. Вот что стучало в моем воспаленном разуме.

Я в очередной раз бросила взгляд на свой телефон. Да, я ждала смс от Тимура. Простых слов. Хотя бы одно словечко. Сердце наполнилось тревогой. Все ли в порядке с моим любимым? Жив ли ты, мой родной? Слезы подступили к моим глазам.

Не выдержав, я обратилась к братьям:

– Тимур или Рустем не звонили?

– Рустем звонил, – одаривая меня сверкающей улыбкой, произнес Ильнур, – у Тимура что-то с телефоном, передавал тебе – хорошенько есть и не волноваться, он придет, как обещал.

Я с подозрением посмотрела на брата.

– Не веришь? – он выразительно изогнул брови. – Вот придет – спросишь у него сама.

Я благодарно улыбнулась Ильнуру. Я хотела верить ему.

Я обняла тимурину подушку и глубоко вздохнула, втягивая в себя аромат моего мужа. На миг, мне почудилось, что он обнимает меня. Такая сладкая, но нужная иллюзия. Я так скучала по любимому, я считала секунды до нашей встречи.

Лежать на спине было неудобно – малышка сдавливала мои органы, и я частенько стала испытывать нехватку воздуха в таком положении. Я перевернулась на правый бок, утягивая подушку за собой. Мой взгляд уперся в темную стену. И снова, мысли об умерших, стали оживать во мне.

Папа. Я не могла до конца принять этот факт, что его больше нет. Я просто не верила. Неужели мое позитивное ожидание будущего оказалось выдумкой? Я тяжело вздохнула, вспоминая слова отца. Папа с энтузиазмом обещал мне, что будет гулять с внучкой в парке, что будет очень-очень рад ее появлению. В моей памяти всплыл тот момент, как отец купил на свои заработанные деньги пакет фруктов для меня, когда я лежала в начале беременности на сохранении. Как заботился обо мне – как никогда раньше. Тогда я думала, что мы оказались сильнее того пьяного прошлого, что мы одержали победу. Папа, ты ведь обещал!

Я зарылась лицом в подушку – рыдая от нахлынувшей духовной боли. В те минуты я была снова одинока, и лишь моя малышка, толкающая меня изнутри, напоминала мне, что это не так.

Моя малышка.

Каково моей сестре, потерявшей дочь? Носить все 9 месяцев под сердцем – и потерять ребенка? Я еще сильнее заплакала, сострадав ее горю. Мне снова стало страшно за свое дитя.

– Пусть моя дочь живет. Господи, пусть живет, – молясь всей душой, шептала я.

Среди ночи я проснулась от того, что у меня скрутило живот. Может, несварение желудка, наверное, пельмени были жирными. Или, просто от нервов?

Но, когда я в шестой раз посетила туалет, ощущая все нарастающий, схваткообразный, пока еще терпимый дискомфорт, до меня дошло – у меня начались роды.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Камила

Ильнур и Наиль «сдали» меня в роддом. Обернувшись, я заметила, какими были выражения на их лицах – обеспокоенными, растерянными.

– Все будет хорошо, – скривив лицо от нахлынувшей боли, произнесла я на прощание. Уже не смея смотреть на братьев, я направилась в приемное отделение. После одной, крайне неприятной процедуры, меня, одетую в широкую, но такую короткую сорочку, которая едва прикрывала мою попу, повели прямо в предродовое отделение.

Запах лекарств, холод, исходящий от стен, насмешливые разговоры медсестер, приглушенные стоны рожениц, и осознание того, что, кроме меня, никто не пройдет этот путь, все окутало меня с головы до ног.

Схватки в очередной раз напомнили о себе, и я вцепилась в кровать. Пытаясь дышать, как учили на видео, я наивно надеялась, что мне это поможет.

Но ближе к рассвету все изменилось – схватки стали столь сильными, что мое горло и легкие разрывало от крика. Я окинула предродовую палату затуманенным от боли взглядом – две женщины, что были здесь, уже благополучно разродились. Я же – продолжала находиться в подвешенном состоянии, не понимая, когда же придет и мой час встретиться с ребенком.

Я снова закричала, хватаясь за железную кровать столь сильно, что на моих руках вздулись вены.

Боль была слишком сильна, а я, судя по всему, слишком слаба. В короткий момент передышки между схватками, я устремила затуманенный взор в окно – там начинался рассвет.

– Тимур, где же ты, – еле выдохнула я, а потом, боль снова накрыла меня, заставляя еще сильнее закричать...

Сквозь звуки телевизора, показывавшего передачу «смак», которую смотрели где-то там, послышались женские голоса. Они стали различаться все громче и громче. Наконец, нарушив мое затянувшееся одиночество, в палату зашли врач и медсестра. Последняя – прикрепила к моему каменному животу датчики.

– Ктг хорошее, – изрекла рыженькая медсестра, окидывая меня теплым взглядом. Она отошла в сторону – и очередная схватка скрутила меня столь сильно, что я снова закричала.

– Что уж, так больно? – спросила врача, ошупывая живот своими прохладными пальцами. Боже, прохлада была сейчас самое приятное – потому что мое тело горело от боли.

– Больно, – не узнавая свой осипший голос, ответила я.

– Ой, а с мужиком спать не больно, а рожать больно, – в голосе врача сквозило осуждение, – Ирина! Давайте капельники поставим, пусть женщина отдохнет.

Прохладная жидкость потекла по моей правой руке.

– Это – промедол. Сильная вещь, его применяют военные, так что, поспишь, отдохнешь, а потом – на кресло, рожать.

Врач и медсестра снова ушли. Я прикрыла глаза, окунаясь в забытие. Я честно надеялась, что промедол подействует. Но мое желание проконтролировать ситуацию, не упустить чего-то важного, не позволили мне – ни уснуть, ни забыться сном, ни, тем более, отдохнуть. Я снова горела в агонии боли.

Когда на пороге замаячили люди в яркой медицинской одежде (и я поняла, что они с реанимации), я готова была побежать за ними (насколько это было вообще возможно в моей ситуации). Я знала – они пришли за мной. А это значило лишь одно – впереди ожидало кесарево сечение. Но мысль об операции не пугала меня. Лишь бы дочка родилась живой. Лишь бы эта боль закончилась. Сквозь приглушенный гул я услышала старческий, женский голос:

– Вы чего девочку мучаете? Неужели нельзя было поставить капельник? Так, Ирина, давай попробуем.

Все закрутилось – завертелось вокруг меня. Люди из реанимации исчезли. Я каким – то образом оказалась уже в родовой палате. Минута, две... Усилия, вздох, снова усилия, и молитва, которую отбивало сердце: «Господи, помоги».

Пасмурный день наполнился криком. Но уже не моим криком – кричала наша с Тимуром дочь.

Тимур

Я услышал шелчок. Потом еще и еще. Болгарин пытался сделать невозможное.

– Ты подписал себе смертный приговор, лживая тварь, – спокойным, будничным голосом вынес я свой вердикт.

Болгарин швырнул пистолет в меня и попытался убежать, но одного выстрела оказалось достаточно, чтобы пуля, вошедшая через затылок, разорвала его лживую морду.

– Ты был кидальщиком, и сам себя кинул, – брезгливо произнес я.

Мы скинули тело в овраг, поросший кустарником. Даже если его найдут, опознать не смогут. А волки с заповедника сделают свою работу. В этом мы были похожи: они – санитары леса, а мы – городов.

Мы выехали из города, и я, наконец, мог позвонить любимой. Гудок, второй, третий – Камила не брала трубку. Я, немного обеспокоившись, набрал Ильнуру.

– Ильнур, у вас там все в порядке?

– Ну, как в порядке. Вроде в порядке. Камилка рожать пошла. Сам понимаешь, нас туда не пускают. Мы рядом с роддомом, – голос Ильнура был виноватый.

– Номер роддома? – я чуть сильнее сжал телефон.

– Второй.

– Хорошо, будьте там.

Я позвонил своему человеку и попросил его узнать, как обстоят дела с родами Камилы – его жена работала там врачом. Не получив ясного ответа, я уже потребовал проконтролировать этот процесс. Я заметил, что волнуясь – всякие глупые мысли стали закрадываться мне в голову. Я вспомнил молитвы, и какое-то время повторял их. Не выдержав тишины, Рустем спросил:

– Все в порядке?

– Думаю, да, моя рожает, – максимально спокойным голосом сообщил я. А внутри – бушевала буря.

– Понятно, – Рустем, как всегда, был краток. И только по его ухмылке было понятно, что он рад.

Я сделал звонок Султанчику.

– Алло. Вылетай, клиент ждет. По прибытию дам координаты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Камила

Стоял пасмурный вечер, когда мне, наконец, принесли мою дочку. Ключевое слово – наконец-то! Я не могла успокоиться, все эти 4 часа, пока была без моей малышки в послеродовой палате. И хотя мои соседки – болтушки пытались меня отвлечь (да-да, у меня не было виповской палаты, ведь это был старый, еще советского образца, роддом), мое сердце не знало покоя.

До тех пор, пока я не взяла свою дочь на руки.

Все вокруг замерло, перестало существовать, как тогда, в первый раз, когда малышку приложили к моей груди, в родзале. Длинные, темные реснички, чуть розоватая, еще сморщенная кожа, густые волосы изумительно красивого, кофейного оттенка. Я смотрела на нее и не могла поверить, что именно я смогла родить столь прекрасное создание. Ощущать себя творцом – было восхитительно, непередаваемо.

– Добро пожаловать в этот мир, Ясмина, – прошептала я, с благоговением целуя дочку в мягкий лобик.

Не буду вдаваться в подробности, как проходили мои первые сутки в роли матери и роженицы. Обработка швов, болезненные уколы – которые ставились всем нам, нелестные замечания детской медсестры, добрые слова врача, что «все получится». Попытки расцедить налившуюся грудь, негативные, столь давящие и раздражающие, комментарии соседок по палате. Усталость и боль. Сомнения в себе, подкрепленные отсутствием молока у других мамочек. Мои тихие молитвы, а еще – ожидание, когда же мой Тимур даст о себе знать. Да, он звонил еще утром, однако я была не в состоянии ответить. Я могла бы позвонить братьям, но...

Хотела, чтобы любимый сделал это сам – чтобы именно он позвонил мне. Снова. Я нуждалась в нем – в его поддержке, его внимании. Мне казалось – стоит только услышать родной голос, как все печали отступят от меня, как молоко, вдруг, наконец-то пойдет, что боль стихнет, что... Многое что.

Ясмина, перестав терзать мою грудь (именно терзать, ведь молоко все еще не шло), уснула. Я аккуратно положила ее. Замерла, любуясь дочкой. Она спала мирно, сладко. Моя маленькая, родная кровиночка. Я грустно улыбнулась – если к утру не придет молоко, то дочку будут еще больше докармливать смесью – ведь она значительно убавила за эти 2 дня – была 3900, а теперь – 3650. Я переживала и чувствовала себя никудышной матерью. Господи, пусть у меня получится кормить доченьку грудью! Меня абсолютно не волновало то, о чем беседовали две соседки по палате – что форма груди станет ужасной, что это жутко неудобно – ведь ребенок будет привязан исключительно к тебе, источнику питания. Я имела свой, отличный от них, взгляд на материнство.

Внезапно, тихая, стоящая на минимуме, мелодия раздалась с моего телефона. Еще даже не взглянув на дисплей, я знала, кто звонит.

Тимур.

Мои руки, как тогда, год назад, дрожали, когда я брала телефон. Волнение окутало меня с головы до ног. Сглотнув, я произнесла:

– Да?

– Джаным, как ты? – его голос был таким желанным, родным, любимым!!!

– Я... хорошо. У нас родилась дочка, – я снова сглотнула – хотелось плакать.

– Подойди к окну.

Я, с замирающим сердцем, подошла к окну 3 этажа. В темноте, под деревом, я разглядела мужской силуэт.

– Это ты? – спросила я.

– Это я, – махая светящимся телефоном, ответил муж.

– Я так ждала тебя, Тимур, – на меня нахлынули чувства.

– Я тоже ждал нашей встречи. Вот я. Как наша Ясмина? – голос Тимура источал тепло – и это было так долгожданно для меня.

– Она хорошо. Такая большая родилась. 3900. И на тебя похожа – такая же красивая, как ты, – я улыбнулась, а по щекам побежали слезы, – только у меня пока молока нет.

– На меня? Очень приятно. Не знал, что я красивый, – голос Тимура был веселым, – ну, так мы ж с тобой читали, что молоко не сразу появляется. У тебя-то, джаным, точно все получится. Ты ж моя, моя смелая, моя сильная, и молока, вот увидишь, даже мне хватит. Дашь попробовать?

Я рассмеялась – легко, так, будто с души убрали тяжелый груз. Соседки покосились на меня, как на ненормальную. Но мне было все равно. Только что я получила то, что так ждала. Силу и поддержку от Тимура.

Тимур

Я смотрел на нее – ее силуэт я отличил бы из тысячи других. Она стояла одна у окна, с косынкой на голове. Я не видел ее глаз, но голос из трубки телефона создавал впечатление, что мы стоим рядом – лицом к лицу. Свершилось. Я стал Отцом. Признаться, я не так часто представлял себя в этой роли. Но мне хотелось стать ЛУЧШИМ отцом для своих детей и воспитать их достойными людьми. Именно сейчас, я полюбил свою жену еще сильнее, чем прежде. А ведь думал, что сильнее любить невозможно.

Попрощавшись, я вернулся к своим делам. Азамат и Айрат сменили Ильнура и Наиля. Теперь, я был еще больше уязвим. И мне требовалось быть предельно бдительным. Несколько звонков за границу и своим людям – и все опять закрутилось-завертелось, требуя моего личного присутствия.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Камила

Выписка с роддома прошла самым простым образом. Мне не нужны были ни фейерверки (набравшие популярность в нашем городе за последние 2 года), ни лимузин, ни охапки цветов. Домой.

Я просто хотела попасть домой – смыть с себя больничный запах (да, да, в роддоме не было душа, всего лишь жалкая комнатка с большим окном без штор – смотрите, наслаждайтесь). А потом, лечь на нашу кровать. Я, доченька и Тимур. И говорить-говорить. Чувствовать единение, только нам принадлежащую близость и любовь.

Мне не нужны были понты.

Мне нужна была тишина и уединение с моим любимым.

Получилось почти так, как я хотела. Всего три джипа – тонированные, черные – отполированные до блеска, мама, глаза которой сияли от радости и одновременно тоски, а так же – пытающиеся вести себя тихо, братья – Ильнур, Наиль, Рустем, Азамат и Айрат.

По глазам мужа я догадалась, что приехать хотело значительно больше народу. Но как, же хорошо, что этого не случилось. Мы и так приковали к себе слишком много внимания. Брутальные красавцы, мой Тимур – само хищное спокойствие (кстати, откуда, у него синяк на левой скуле???), крутые «тачки» за окном... Та самая врач, говорившая со мной на родах не самым добрым образом, нервно отвела взгляд в сторону, когда увидела к кому я пошла.

Неужели она думала, что я собираюсь расквитаться с ней? Напрасно. Стоило мне только увидеть родное лицо мужа через стеклянные двери, я уже не помнила об ее грубости.

Момент, когда Тимур взглянул на нашу дочь...

Мое сердце навсегда запечатлело это. Было в этом что-то восхитительное, особенно трогательное – видеть, как мой муж – сама сила, власть и жесткость (временами) – с особой нежностью берет из рук медсестры нашу дочь. Его мужественное лицо озарила улыбка. И я улыбнулась, утопая в нахлынувших на меня чувствах.

А потом этот взгляд, который Тимур перевел с дочери на меня: в нем была такая любовь, что у меня перехватило дыхание...

Тимур

Я находился на первом этаже роддома, в зале для выписки. Римма Ибрагимовна стояла поблизости, вытирая глаза носовым платком. Братья разместились в сторонке и пялились на медсестричек в халатиках, закидывая им шуточки, неестественно подергиваясь в их сторону. Казалось, эти девушки возбуждали их больше, чем стриптизерши на сцене в нашем клубе. У них было больше одежды, которые братья, видимо, хотели снять. Лишь Рустем холодным взглядом посматривал в окна и попутно осаждал их дерзкими замечаниями.

Наконец, в коридоре, за стеклянными дверями появилась медсестра с кульком в руках. Я не сразу сообразил, что несут мою дочку.

Лишь когда я увидел, как медсестра на ходу поправляет чепчик, до меня дошло – это – моя дочь! Почти сразу, позади, не спеша, шла моя жена. Было видно, что ей тяжело идти. Видимо, роды прошли не так просто, как мне хотелось думать. Она улыбнулась мне – как-то измученно, и я почувствовал, что мне жалко ее и одновременно я проникся гордостью, что у меня такая жена. Ведь я уже знал, что она не стала отвлекать меня своим горем. Моя маленькая, сильная девочка.

Я, встречая, подошел к медсестре и принял своего ребенка на руки. Я с неким страхом посмотрел на свою кровиночку. Чего опасался – я не знал. Может, боялся напугать ее. Или навредить неаккуратными движениями. Но через секунду я успокоился. Я смотрел на это маленькое личико, на эти щечки и смешные губки и чувствовал себя каким-то другим. Обновленным, что ли.

Я поднял глаза на Камилу – я любовался ей, несмотря на то, что она была в простой одежде, я видел в ней самую прекрасную и единственно желанную женщину.

Она подошла ко мне, взволнованная, такая ожидающая каких-то особенных слов от меня. Но все что я мог сейчас сказать, это было:

– Джаным, поехали домой, я соскучился.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Камила

Я тихонько прикрыла дверь из ванной комнаты и медленно, по привычке, а еще по причине дискомфорта, направилась в нашу спальню. Наконец-то мы одни! Как хорошо, что гости не стали задерживаться и уехали по домам. Нет, я их по-прежнему любила, просто очень хотела тишины. Я замерла у двери. Сердце учащенно забилось. Нервно, я поправила на себе халат (он так отличался от одежды в роддоме!) – он был красивый, нежно-голубого оттенка, снизу – чудесная сорочка для кормящей мамочки – женственная, радующая глаз. Но то, что было под ним...

Каждая рожавшая женщина меня поймет. Это было не самое красивое зрелище. Мое тело изменилось – это факт. Жалела ли я об этом? Зная причину этих перемен, я не испытывала этого чувства. Но, конечно, во мне были сомнения – как любимый воспримет новую меня?

Да, о физической близости речь, безусловно, еще не шла. И все же, то, что Тимур мог увидеть вблизи... Я шумно вздохнула, ощущая, как смятение подкрадывается ко мне. Я хотела быть красивой, но понимала, что прежней меня нет.

– Камил, ты, что там застыла? – приглушенным голосом поинтересовался муж.

Я зашла в спальню. Ласковое тепло окутало, как одеялко, мое сердце. В кровати мирно посапывала Ясмينا, а ее папочка с задумчивой улыбкой, сидел возле нее.

Тимур поднялся на ноги и шагнул ко мне. Он по-прежнему улыбался, только теперь по-другому. Теперь, его улыбка выражала смесь самодовольства и еле прикрытого желания.

– Она не просыпалась? – взволнованным голосом поинтересовалась я, кивая в сторону кровати.

– Просыпалась, я покачал дочку на ручках, и она уснула, – муж еще шире улыбнулся, – как видишь, мы с ней нашли общий язык, все-таки не зря я с ней в животике общался.

Муж медленно провел ладонью по моей руке – от плеча, вниз, до запястья. Теплые пальцы обвили мою ладошку и нежно сжали.

– Ложись, поспи, – с легкой хрипотцой в голосе, произнес Тимур. Его глаза источали ласку. Я робко улыбнулась в ответ. А потом, случилось это – мой любимый порывисто обнял меня, зарываясь лицом в мои еще влажные, после душа волосы.

– Наконец-то ты дома, – прошептал он.

Я задрожала, охваченная волнением, раненая его признанием и нежностью, что исходила от прикосновения Тимура. Глубоко вздохнув, не без удовольствия уловила родной аромат любимого человека. Я подняла глаза, внимательно разглядывая мужественное лицо Тимура. Густая щетина – почти борода, все те же шрамы, глубокая морщина, что пролегла меж бровей, и... синяк на левой скуле.

Сердце сжалось от страха. Мой муж не был из тех, кто вот так, «ловил», тем более, по лицу.

– У тебя синяк, любимый, – прошептала я, не сводя взгляда с Тимура. Ленивая, такая чисто самоуверенно-мужская улыбка изогнула его губы.

– Надуло, я такой чувствительный последнее время, – в его голосе улавливались издевательские нотки, и я не стала уточнять, каким образом это так «надуло». Самое главное, что Тимур был жив. Наша дочь жива. И я тоже.

Об остальном – не время думать. Хотелось просто, наконец, побыть слабой. И теперь, в объятиях любимого мужчины, я могла себе это позволить.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тимур

Случилось. В нашем доме появилось маленькое чудо, которое сикало, какало и не давало спать, требуя внимания даже после смененного подгузника и кормления грудью. Каждый раз, после того, как Ясмينا наедалась, я прогуливался с ней, легонько похлопывая по спинке, ожидая ее отрыжки. Кто бы мог подумать, что ночью я буду иногда именно мечтать об этом звуке – это означало, что я могу вернуть дочку в кроватку, которую я уже на следующий день полуразобрал и придвинул к нашей кровати, со стороны Камилы. Теперь ей не нужно было без конца вскакивать, чтобы покормить Ясмину. А дочке было спокойнее от тепла и запаха мамы.

Иногда меня посещали страшные мысли, что что-то пошло не так, какие-то кошмары о болезнях и прочем не давали мне покоя. Наверное, я слишком сильно переживал о жене и дочке.

Но мне не давал покоя еще одно дело, которое мы до этого делали с завидным постоянством. Но Камиле было еще нельзя. А я начинал нервничать и считать дни. Как в армии стодневку. Ничего, скоро «дембель»!

Как хорошо, что у нас появились некоторые проблемы, которые отвлекли меня, и я смог направить накопившуюся энергию в другое русло. Попутно я занялся вопросами переезда. Я решил воспользоваться перспективой развития бизнеса в эмиратах. Вот жена обрадуется!...

4 недели спустя

Камила

– Я не хочу уезжать, – довольно решительным тоном сообщила я Тимуру. Хотя то, как я выглядела сейчас – полусонная, с растрепанными волосами (хотя ведь собирала их в косу), с грудью, требующей подключения молокоотсоса – вряд ли я была похожа на уверенную в себе женщину.

Муж скользнул по мне дерзким взглядом, намеренно задерживаясь на линии декольте – отчего мои щеки зашипало – привет, стеснение. Я порывисто отвернулась, делая вид, что нужно заняться дочкой – но Ясмينا, как нарочно, сейчас не особо-то нуждалась в моем внимании – она лежала, с интересом разглядывая игрушки, подвешенные сбоку. Эх, где ее интерес к ним, когда я одна с ней, и мне нужно срочно посетить туалет...

Я тяжело вздохнула, понимая, что своими словами вряд ли убедила Тимура. Одно дело отдохнуть в эмиратах пару недель, и другое – переезжать туда с грудным ребенком. Я не знала ни языка, ни их закона (а лишь слышала, что он довольно жесткий). У меня не было там друзей, знакомых, и тем более – родных. Мне стало страшно.

– У тебя еще есть время морально подготовиться к переезду, но всё: жилье, документы уже готовы, так что – прими это, – вроде дружеским тоном приказал муж. Я, ошеломленная его словами, не нашлась, что ответить. Я и так раньше не слишком быстро соображала, а теперь казалась себе совсем глупой. Да не мудрено такой стать, когда в твоей голове 95% мыслей о ребенке – сколько сменено подгузников, не слишком ли много она срыгивала, выкладывала ли я ее на животик, не пора ли ей более уверенно держать головку... и тысячи других вопросов, которые не оставляли меня в покое.

– Давай поговорим об этом позже, – произнесла я, бросая на Тимура усталый взгляд.

– Яры (ладно), – смиловился он, – пойду, сделаю тебе чай. Поди, пить хочешь.

Я благодарно улыбнулась ему – да, жажда была моим частым спутником. Каждый глоток Ясминки грудного молока – и я все сильнее хотела пить. Но, когда чай был готов, я уже снова кормила дочку – и мне пришлось допивать его остывшим. К этому времени Тимур уже уехал по делам. Я тяжело вздохнула.

Признаться, я сильно устала за эти недели – и физически, и духовно. Да, все было хорошо – слава Всевышнему! И все же, недавние несчастья и мои глубокие переживания не прошли бесследно. Я стала нервной. Могла проснуться среди ночи и, трясаясь от страха, слушала – дышит ли моя дочь. Я боялась ее потерять. Любой ее звук – и я уже была тут как тут.

Сон урывками, внутренний дискомфорт, тоже делали свое дело и не способствовали моему хорошему самочувствию. Да, Тимур помогал мне – на нем была ответственная задача – купание Ясмины и, теперь лишь иногда, ношение ее после кормления «столбиком».

Но этого было мало. Потому что у меня не хватало сил даже на то, чтобы расчесать свои волосы. Да. Это правда. Малышка, видимо, получившая от меня долю переживаний в животики, была не самая спокойная. И даже если она была сыта и в сухом подгузнике, дочка нуждалась в том, чтобы я находилась рядом. И самое лучшее – чтобы носила ее на руках, или же, клала с собой на большую кровать.

Я окончательно перестала принадлежать себе.

Тимур

Я, как мог – мягче, поставил Камилу в известность, что мы едем жить в эмираты. Жарко, скучно, но нужно. Я собирался начать там свой новый бизнес. Небоскребы и бунгало – все росло в эмиратах, как грибы после дождя. И никто не мог предугадать, какие услуги здесь

понадобятся завтра. Несколько моих хороших знакомых уже обосновались в этом регионе, и неплохо себя чувствовали. Никаких налогов – одни возможности!

Пару дней мне понадобилось для того, чтобы подготовиться к отъезду и оставить все на братьев. Рустем, как и прежде, был моей правой рукой – и я не сомневался, что он справится.

Единственное – мне оставалось предупредить своих бизнес – партнеров, и генерала с полковником в том числе. Для этого я посетил их лично, вместе с Рустемом, передавая ему эстафету.

– Классно, нас ждут большие перемены, – обнажив белые зубы в улыбке, произнес Ильнур.

– Надеюсь, про перспективы за бугром ты говоришь, а не про мой отъезд? – усмехнулся я, чистя оружие после активной стрельбы в нашем тире.

Остальные братья рассмеялись, предвкушая что-то новое. Рустем выглядел спокойным, но я знал, он реально волнуется. Ответственнее и хладнокровнее человека, чем он, в нашем братстве не было.

– Расслабься, Рустем, я тут, рядом, если что, – похлопывая по его каменному плечу, сказал я, – самолеты еще летают, а ваши стволы должны быть всегда заряжены. Правила не меняются, тропа натоптана, враги раздавлены, плавно переходим на легальный курс.

Все снова заржали, и я уже тоже, понимая, что нет-нет, да ствол стрельнет или нож блеснет.

– Где-то я это уже слышал, – улыбнулся Наиль.

– Мы же не хотим до старости в войнушки играть, пора действовать по-новому, я начну, вы – на подхвате, и ничего, что это другая страна. Там все еще проще, – я засунул пистолет в кобуру. Надеюсь, что сегодня он мне не пригодится.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Камила

– Да, удивительно, такая темненькая, – мама тепло улыбнулась, – хотя, что я говорю – Тимур-то у нас не блондин.

Моих губ тронула задумчивая улыбка. Смотреть вот так, на свою маму, которая держит твою дочь – было в этом что-то трогательное, вечное. Странно, душевно.

– И все равно, твои черты лица, безусловно, есть, красавицы мои, – мама посмотрела на меня – в его светло-карих глазах сияла нежность. – А Тимур сам не приедет?

– Чуть попозже, он по работе поехал.

Мама отвела взгляд в сторону, не желая показывать мне свое отношение к работе моего мужа. Этот вопрос был закрыт для обсуждения – и она знала об этом. Ясмине же, издавая смешные звуки, с интересом смотрела на свою бабушку. Я переживала, не будет ли дочка плакать у нее на руках, но, видимо, мое спокойствие, передавшееся малышке, способствовало ее благоприятному общению с бабулей.

За все эти 5 недель мама была у нас всего пару раз – на выписку, и когда Ясмине исполнилось ровно месяц. Даже не верится, что моей дочке уже целый 1 месяц! Как быстро пролетело время, и, одновременно, эти недели показались мне длиной в целую жизнь.

Столько всего я нового узнала о материнстве, и сколько еще мне предстояло узнать...

– Камилка, – в комнату заглянул Ильнур, его черные глаза тепло заблестели, когда он посмотрел на Ясмину. – Тимур подъезжает, сказал собираться.

– Хорошо, – я улыбнулась брату и послала маме извиняющийся взгляд, – видимо, чай попить не получится.

– Ну, ладно, время – то уже вечер, – согласилась она, – давай наряжай нашу Ясмину. Кормить будешь?

Словно услышав заветное слово, дочка начала жалобно приплакивать.

– Видимо – да, – произнесла я, беря Ясмину на руки. Она стала нетерпеливо сучить ручками – ножками. Мама, плотно прикрыв за собой дверь, вышла из спальни, оставляя нас с дочкой вдвоем. Я принялась кормить малышку грудью. Послышалось довольное причмокивание, и лицо Ясмины стало удовлетворенным. Я улыбнулась ей и коснулась теплой щеки кончиком пальца. Дочка, перестав сосать грудь, внимательно посмотрела на меня, а потом, наполняя мое сердце непередаваемым счастьем, улыбнулась мне.

Где-то в квартире, сперва, зазвонил стационарный телефон, а потом – раздался звонок в дверь. А я сидела, наслаждаясь нашим уединением с Ясминой. Как же здорово было самой кормить ее грудью! Это время было только нашим, таким сокровенно-священным.

Наконец, дочка, насытившись, отлепилась от моей груди и сладко-сладко зевнула. Ага, видимо, скоро заснет. Какая удача! Это будет прекрасно, если в дороге она будет спать. Я аккуратно надела на нее комбинезон и повязала шапочку. Мои движения все еще казались мне неумелыми – и даже такой вроде простой процесс, как одевание ребенка вызывал у меня немало волнения – а удобно ли дочке, а не сильно ли я завязала шапочку, а закрыты ли ушки, а не вспотеет ли она, а не протечет ли подгузник...?

– Дочка, Тимур приехал, – послышался мамин голос.

Я, аккуратно подхватив Ясмину, вышла в коридор. Мой взгляд тут же уперся в мужа – он стоял у входной двери. Немного усталый, но по-прежнему такой привлекательный – в этих темных джинсах и спортивной куртке, наброшенной на широкие плечи, он навеял меня на сладкие воспоминания о тех временах, когда мы еще только начали встречаться. Скучала ли я по ним?

Лишь изредка. Потому что сейчас, я ощущала себя значительно счастливее, и на самом деле чувствовала, с появлением дочки, что мы – СЕМЬЯ.

Муж, попросившись с мамой, забрал у меня спящую малышку. Я не могла не заметить, как вмиг потеплел его взгляд, стоило только Тимуру посмотреть на нашу дочку. Сердцу стало так спокойно, так хорошо. Скорей бы домой! Я соскучилась и хотела просто обнять мужа.

Обнявшись на прощание с мамой, я последовала за мужем вниз. Наиль шел впереди, Ильнур – позади меня. Вот такой процессией мы вышли на теплый, майский вечер. Я шумно вздохнула, с наслаждением вдыхая ароматный воздух. Чудесно как!

Ильнур что-то спросил у Тимура, и тот, приостановившись возле джипа, ответил ему. У братьев завязалась беседа, и я, почему – то взволнованная, взяла Ясмину к себе на руки. Сейчас минуточку подышим, и сядем в машину.

Внезапно, мое внимание привлекла женская фигура. Приглядевшись, я узнала, кто это. Моя старшая сестра.

– Все нормально, это сестра, – предупредила я Наиля, который собрался, было, встать между нами. Муж и братья, поздоровавшись, продолжили свой разговор, однако Тимур наблюдал за мной.

А я. Я смотрела на Машу, разрываясь от чувств. Мы ведь так и не виделись с ней после того дня. Я не знала, что ей сказать...

– Няньчишься? – сестра как-то горько-пьяно улыбнулась, и до меня дошел аромат ее алкогольных паров.

– Да, – просто ответила я. – Как ты?

– Нормально, ничё, – она сглотнула и смерила взглядом меня, а потом посмотрела на Ясмину – и я, чувствуя странную тревогу, инстинктивно прижала ее к себе еще сильнее. Не то, чтобы Маша была способна причинить ей вред, но... Я не знаю, мне стало не по себе. Сестра снова улыбнулась, а затем, чуть подавшись вперед, приглушенно начала:

– Я ведь не хотела ее, – под словом «ее», я поняла, что она имела в виду свою умершую дочку, – курила каждый день, пила...

Маша нахмурилась:

– Я смотрела на кровать и думала – для кого она? Никого здесь не будет. Не нужна она мне была, – сестра шумно вздохнула, – я ведь хотела, сперва, аборт сделать. Это мамка меня отговорила. Видишь, как получилось.

Я смотрела на Машу, и не могла понять. Не могла понять ни ее, ни того, зачем она все это говорит именно мне (ведь мы никогда не были по-настоящему близкими сестрами). Так же я не могла понять, что я чувствую к ней. Осуждение? Может быть. Ужас от услышанного? И это тоже.

Но сильнее всего была боль. Разрывающая – мое сердце и душу на нити. Знания о причинах умершей малышки, осознание это, уже, будучи матерью, принесло мне эту боль. Маленькая девочка, которую не ждала мама. Покойся с миром, ангел.

Маша, что-то сказав, скрылась в подъезде дома – видимо, пошла навестить маму. А я, потрясенная, даже не помнила, как села в машину. Пришла в себя лишь на полпути домой – от голоса мужа.

– А? – выдохнула я.

– Говорю, что плачешь?

Я не знала, как Тимур это увидел – он сидел впереди, за рулем, а я сзади, рядом с детской автолюлькой.

– Я не плачу, – тихо ответила я.

– Ага, рассказывай, – голос мужа был почти строгим. – Обидел что ли, кто?

– Нет, просто устала, – уклончиво отозвалась я.

– Домой приедем – отдохнешь, – Тимур сделал тон более добрым, – и расскажешь.

Я лежала и не могла уснуть. Тимур, дочка – уже спали. А я, все еще под впечатлением от встречи с сестрой, пыталась успокоиться. Ее слова, ее откровение – легли тяжким грузом мне на грудь.

И снова пьянство, снова эта проклятая алкогольная зависимость. И я ничего, ничего не могла поделать – я была бессильна! Сколько горя принесла эта пагубная привычка...

Мое тело сотряслось от, прошедшей по нему, судороги. Щеки обожгли слезы – горькие, горячие. И тут же, дочка, захныкав, залилась плачем – и это напугало меня, потому что раньше она так громко не плакала.

Видимо, все это, правда – младенец остро чувствует настроение матери. А я была в ужасном психологическом состоянии. Я приложила Ясмину к груди, но малышка, лишь немного поев, снова залилась плачем. Мне стало страшно за нее. Я проверила ее подгузник, осмотрела всю – с головы до ног, в поисках источника раздражения, но так и не нашла ничего.

А в голове противно стучало, что всему виной мое самочувствие. В итоге, треть ночи я ходила с дочкой на руках, а другую треть – Тимур. Когда я снова взяла уставшую от слез дочку и прижала ее к груди, то ко мне пришло уверенное осознание – нужно переезжать подальше от всех этих переживаний. Переведя на мужа взгляд, я произнесла:

– Когда вылетаем в эмираты?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тимур

Этот майский день был особенно запоминающимся. Никакой стрельбы и ненужных понтов. Теплая встреча и прощание в аэропорту столицы, куда нас сопроводили все братья. Как и положено ответственным родителям, мы прибыли заблаговременно, ведь регистрация ребенка могла затянуться.

Но все прошло легко, быстро, и у нас осталось достаточно времени, чтобы посидеть в кафе и попить кофе с братьями.

Ильнур попросил Ясмину из моих рук.

– Дай понянчиться, я все-таки, дядя. Или ревнуешь? – он сверкнул черными глазами, одаривая меня немножко придурковатой улыбкой. Камила тепло рассмеялась.

– Да нет проблем, держи, головой отвечаешь, – я протянул дочку, испытывая легкое недоверие и контролируя каждое движение Ильнура, хотя брат брал ее уже не первый раз. Он сторбился, окутывая своими объятиями мою дочь, оберегая не только от кого-либо, но и от дневного света.

Сердце уже было в самолете. Говорить с братьями не хотелось. Я думаю, все понимали, это – необходимость, и стратегический ход.

Я хотел, было, отпустить их пораньше. Но они решили до конца сопроводить нас до безопасной зоны. Одним словом – братья.

Теплые объятия, мои – с каждым из них, и стоящая в сторонке, Камила с дочкой на руках, поставили точку на этом эпизоде. Впереди нас ждали эмираты.

Камила

Я смотрела в иллюминатор, но не видела ничего, кроме картинок прошедших дней. Они мелькали, как кадры какого-то старого, столь хорошо знакомого фильма. Наши сборы – встреча с мамой, и не самый простой разговор с ней (как и любой матери, ей было тревожно за своего ребенка, и теперь я понимала ее больше, чем раньше). А затем – закрутилось, завертелось, и вот я уже сижу в салоне самолета. Взволнованная, все еще полная противоречивых мыслей, опасений и надежд.

Что ожидало нас там, на Аравийском полуострове?

Справлюсь ли я с ролью матери? Смогу ли научиться жить в новой стране? Сумею ли я, как и прежде, найти причины для счастья?

Мои губы изогнулись в улыбке.

О чем я думаю? Мое счастье, моя семья, были со мной. А остальное, все хорошее – будет!

Я, как и прежде, была полна оптимизма.

Тимур

ОАЭ

Наш дом располагался в соседнем эмирате от модного Дубая. Нет, я мог позволить нам жилье и там, но остров еще не был закончен, чтобы заселиться в новый дом с собственным причалом, а сам Дубай не подходил из-за большого числа туристов и постоянного шума. Поэтому, я выбрал один из соседних эмиратов – Шарджа. Люди здесь были более консервативны и менее распушенны. Это вполне устраивало меня, теперь семейного человека.

Высокий, каменный забор закрывал внутренний двор, несколько финиковых пальм, увешанных плодами, создавали тень и незначительную прохладу. Летом тут было очень жарко, и мы спасались кондиционерами, а вот зимой погода была комфортная, за исключением нескольких пасмурных дней.

Во дворе нашего просторного дома, а так же и внутри, имелся бассейн, а еще, у нас был собственный, охраняемый и огороженный ото всех, пляж. Это стало одним из самых любимых мест Камилы. Она приходила сюда с коляской и спящей Ясминой, и частенько сидела на песке, любуясь заливом – видимо, так жена успокаивалась после переезда.

Я догадывался, что ей непросто, все-таки она у меня нежная и ранимая. И я, как мог, пытался поддерживать ее. И я настолько часто поддерживал ее, что, не прошло и года, как моя джаным принесла мне тест с двумя полосками.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Спустя 5 лет. Март 2012, Центральная Россия.

Камила

Я не отрывала взгляда от окна, с жадностью впитывая в себя, столь знакомые и, одновременно, местами, изменившиеся пейзажи.

Подумать только, в пригороде построили столько домов! А ведь раньше тут были мрачные пустыри и гаражи – теперь же на этом месте красовались высотки из серо – розового кирпича. А там, подальше, показался огромный, весь из блестящего, темно-синего стекла, спортивный комплекс. Он еще только строился, но было понятно, что возводится что-то грандиозное!

Я перевела взор на остановки – даже они были заменены, вместо старых, стояли новенькие, имелась даже металлическая урна, цивилизация! А вот и общественный транспорт! Тоже обновленный. Мои губы растянулись в довольной улыбке. Позитивные перемены были на лицо!!! И это не могло не радовать меня, ведь в ближайшее время мы собирались жить на Родине.

И все-таки, помимо радости, меня не покидало волнение. Прошло 5 лет! Целых 5 лет...

Я не была на родной земле 5 лет! И теперь возвращалась (правда, еще не зная, надолго ли), уже, будучи многолетней мамой.

Мамой трёх дочек.

Я давно мечтала показать детям красоту России не только по видео, а живую, и вот, моя мечта сбылась. Наконец-то!

– Мам, а что это такое? – Ясмينا, отвлекая меня от размышлений, ткнула пальцем в тонированное окно. Я без труда поняла, о чём говорит моя старшая дочка.

– Ну, как же, – я улыбнулась, глядя в ее синие, такие выразительные глаза, – вспоминай. Я тебе рассказывала и показывала. Всем вам.

– А, это троллейбус, что ли? – догадалась она, и ей завторила Самира:

– Тлоллейбус...

Средняя еще не выговаривала «Р.», поэтому смешно картавила.

Я подавила смех, прекрасно помня, что дочку расстраивает, то, что она не поспевает за старшей сестренкой, и все еще не может сказать эту заветную букровку. Ну, а младшая дочурка, хитро поглядывая на сестер, издавала свою речь – набор понятных лишь ей и, частично, нам, слов. В общем, я ехала в нескучной компании.

За рулем был Тимур – он то и дело (как обычно), отвечал на телефонные звонки. Впереди и позади внедорожника, в котором мы находились, ехали тонированные джипы – как же без сопровождения братьев (в этот раз это были Айрат, Азамат, Рамиль и Карим)?

Братья. Боже мой, столько перемен – и у них тоже. Теперь Ильнур, Наиль и Рустем являлись женатыми людьми, и тоже родителями. Про Дамира я старалась не вспоминать. Это было слишком больно. Признаться, мне не терпелось увидеть братьев и их семьи. Я была уже знакома с их женами, и мне даже довелось увидеть малыша Ильнура и Айсылу – потому что роды проходили в эмиратах. Но там мы общались не так долго. Они были всего лишь в гостях. А теперь, столько теперь было впереди!

– Мам, ты чего так улыбаешься? – одаривая меня ласковой улыбкой, поинтересовалась Самира.

– Я счастлива, что мы здесь, – ответила я.

И я еще не знала, сколько всего ожидало меня и Тимура...

Я обвела убранство дома медленным взглядом. Сердце томительно-сладко сжалось от нахлынувших воспоминаний. Моя первая ночь здесь – и я, укутанная в одеяло, а рядом – такой терпеливый Тимур. Я, расклеивающая сердечки-признания – «с днем рождения, люби-

мый!» Мой порезанный палец и поливающий рану Дамир, а после – злобный Тимур. Мой горький уход и счастливое возвращение. И то чудесное осеннее утро, когда тест на беременность показал 2 полоски.

Тимур

– Оставляйте все в коридоре, я потом все сам занесу, – произнес я, разуваясь и заходя внутрь. Хотелось поскорее осмотреть нашу берлогу, столько лет здесь почти никто не жил (лишь Равиля-апа регулярно наводила порядок).

Кажется, ничего не изменилось, кроме переделки одной комнаты в детскую. Новые кровати и один розовый шкаф – на первое время должно было хватить, а дальше мы и сами купим все необходимое из мебели. Не успел я оглядеть дом, как телефон зазвонил – это был мой новый бизнес-партнер, с которым я хотел продвинуть свои дела.

– Папа, а где мой котенок? – дергая меня за штанину, спросила Самира. Довольно требовательным голосом.

– И мой зайчик, – Ясмина обратила на меня грустный, почти потерянный взгляд. И окончательно меня добила Марьям – она, уставившись на меня строгим взором, завопила:

– Моя зилаф!!!

Я понятия не имел ни – где зайчик, ни – где котенок, и, уж, тем более зилаф (жираф по-нашему). Но! Камила наверняка знала.

– Мама сейчас все найдет, – пообещал я дочкам, надеясь, что все это не закончится дружной истерикой. Камила начала им что-то говорить, и я спешно ретировался на кухню, чтобы ответить на звонок.

– Алло, слушаю, – произнес я.

– Ты можешь подъехать на Ленина? У меня там ресторан есть, посидим, поедим, побеседуем.

Я подумал: «в первую очередь ты сказал: „поедим“, и лишь потом „побеседуем“. Значит, ты – либо проголодался, либо скрытый обжора». Но это не меняло дела. Нужно было приступить к осуществлению поставленной цели, иначе меня отвлекут домашние хлопоты.

– Хорошо, через час, – ответил я, завершая звонок и возвращаясь в комнату.

– Я поехал, буду вечером, что надо будет – позвони, – сказал я, обращаясь к жене. Она тут же погрузилась.

– Тимур, ну, мы только приехали... И ты уже уезжаешь, – ответила она, чуть хмурясь.

– Вот именно. Мы же приехали вместе, а не я один.

Говоря это, я имел ввиду, что мы и так все время были вместе, и сейчас мне пора приступить к важным делам. Я уже устал сидеть без действий и не видеть реальных результатов. Мне нужна была активная деятельность.

Камила

Я выразительно посмотрела на мужа – вот он, Тимур, во всей своей харизме, нетерпеливый, полный сил и энергии и отлично знающий, куда все это девать. Только вот мне был неприятен его тон – с уже ощутимыми резковатыми нотками. Но я догадывалась, что мой любимый мужчина, скорее всего, раздражен не мной, а данной ситуацией – он хотел действовать, а не сидеть дома. Я ведь понимала, что мы не просто так вернулись в Россию.

Для этого были свои веские причины, которые Тимур не говорил даже мне. Не потому что не доверял, а потому, что, как и прежде, берег меня.

– Конечно, Фахретдинов, не смею вас задерживать, – шутливым тоном ответила я, но мы оба знали, что если я вместо «любимый» или «Тимур», обращалась к нему по фамилии, это значило, что у меня тоже не самое доброе настроение.

Тимур, обернувшись, окинул меня пронзительным взглядом...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Камила

Взгляд Тимура, как всегда, вызывал бурю эмоций. Я заметила, как недовольно блеснули его глаза – еще бы, я посмела назвать его по фамилии. Прекрасно осознавая это, я одарила мужа очаровательной улыбкой и перевела все свое внимание на Марьям – она, как всегда, снова просилась ко мне на руки. Я видела, что она утомилась от дороги, впрочем, как и все наши дочери, впрочем, как и я сама. Я рассчитывала, что Тимур останется и поможет, но, раз так... Мне нужно было организовать остаток нашего дня таким образом, чтобы все это не закончилось детскими истериками и моим вымотанным состоянием.

– Давай, я на связи, – произнес муж, шагнув в мою сторону. Я подняла на него глаза, встречаясь взглядом с Тимуром.

– Доброй дороги, – устало ответила я, подхватывая младшую дочку на руки. Она тут же стала довольно улыбаться и гладить меня своими маленькими ладошками по волосам.

И все-таки, несмотря на то, что муж спешил, он нашел время, чтобы поцеловать – и дочек, и меня. Я прикрыла глаза, когда его теплые губы коснулись моей щеки. Всегда наслаждалась этим моментом нежности.

– Не скучай, – шепнул Тимур, проводя мозолистой ладонью по моей шее.

Легко сказать – но так трудно сделать. Я лишь тепло улыбнулась ему в ответ, провожая любящим взглядом.

Тимур

Я ехал на встречу в сопровождении охраны. Это был деловой обед почти ни о чём, но я искал новые контакты. Человек, с которым мне предстояло сотрудничество, не имел особого веса в нашем городе, но его знакомства с другими, влиятельными людьми, могли оказаться полезными, и я не хотел упускать этот шанс.

Мои братья обзавелись семьями и не являлись столь мобильными, как раньше, по крайней мере, мне не хотелось рисковать, как это было прежде. С рождением моих детей я многое переосмыслил, и то, что мне казалось раньше нормой, теперь стояло под вопросом.

Новый ресторан, в который меня пригласил мой знакомый, являлся его собственностью. Светло, чисто, уютно. Дорогие, кожаные кресла, большие, стеклянные столы, заключенные в массивную деревянную оправу. Огромный аквариум – во всю стену и водопады, стекающие вниз, в маленький прудик, в котором плавали рыбки.

– Уютно у тебя, – произнес я, усаживаясь за стол и здороваясь за руку с Раилем. Это был молодой мужчина ростом выше среднего, со светлыми волосами, правильными чертами лица и легкой растительностью на нем. Дорогой костюм, ухоженные ногти, отбеленные зубы, брендовые часы – он выглядел успешным и модным. Мы были знакомы прежде: пересекались в нескольких местах, рядом с авторитетными людьми.

Мои ребята (Айрат и Рамиль) присели за соседний стол, со скучающим видом на лицах, листая меню.

– Да, дизайнер из Италии постарался на славу. Конечно, здесь и здесь, – указывая на отдельные предметы интерьера, начал Раиль, – это мои хотелки.

Я заметил самовлюбленную улыбку на его лице. Он гордился своим детищем и, видимо, пригласил меня только для того, чтобы похвастаться. Или... все же, у него имелось стоящее предложение?

– Ну, давай, начнем с фирменного блюда, – сказал я, намекая на то, что не люблю тратить время на пустые разговоры.

– Да-да, конечно, – заелозив на месте, Раиль махнул официанту.

Нам принесли поднос с высокими бортами – на нем были тлеющие угли, а над этим всем возвышалась сковорода с запеченными в ней кусками баранины и красной рыбы. Мы принялись за обед.

– Раиль, поделись своими мыслями о возможности нашего сотрудничества, так, чтобы я понял, что оно стоит моего личного внимания, – этой фразой я дал понять, что в случае, если он надумает меня кинуть, пощады не будет.

Он подвинул ко мне папку с документами и сказал:

– Вот, можешь ознакомиться.

Я с недоверием заглянул в нее, пролистал и ответил:

– Надо изучить более внимательно, я медленно читаю. Возьму с собой.

– Хорошо, – согласился Раиль. – До завтра справишься?

– Управлюсь, – я захлопнул папку, думая: «не попробуешь – не узнаешь».

Уже стемнело, когда я приехал домой. В голове у меня крутились разные мысли, да и тема была новая для меня. Я решил попробовать разобраться в этом. Сделав несколько звонков, попросил собрать информацию об этом человеке. Что-то было не так. Но я еще не был уверен в этом на сто процентов.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Тимур

Я заехал во двор. Кованые ворота закрыл Азамат – сегодня он дежурил в домике для охраны, который был построен за время нашего отсутствия. Я бросил ему ключи от машины, чтобы он загнал ее в гараж и попрощался с Азаматом до утра.

Я, стараясь не шуметь, прошел по дому и зашел в нашу спальню.

Что я вижу там...

На моей с Камилой постели уже спали крепким сном все мои четыре девочки. Похоже, мне придется спать в детской. От моего пристального взгляда жена проснулась. Она, повернув голову в мою сторону, улыбнулась. Мой лед растаял. Я махнул ей рукой, подзывая ее к себе. По сонному лицу пробежало смущение. Я довольно улыбнулся. Камила, медленно, сползла с кровати и оказалась в моих объятиях.

– Я чай поставил, – шепнул я, целуя ее в висок. – И вкусняшки привез. Твои любимые.

Камила

Моё утро было, как обычно за все эти годы, ранним и, безусловно, сонным. 6 утра это вам не шутки. Я еле передвигалась по кухне, мои веки все еще были тяжелыми, а движения – вялыми, когда все мои три дочери, засев за стол, попросили кашу. Я, в который раз, мысленно поблагодарила Тимура за то, что наш дом в эмиратах и, особенно, планировка кухни, были такими же, как здесь. Это было очень удобно – и мне не нужно было наткаться о мебель.

Вода закипела, и я насыпала овсянки. Дети о чем-то шумно беседовали, а я страстно желала лишь одно. Найти возможность вздремнуть хотя бы полчаса. Спать! Сладкое, заветное слово.

– Ты сегодня какая-то сонная, – произнес Тимур, заходя на кухню и целую меня в затылок. Я послала мужу насупленный взгляд. Будто он не знал, почему я сегодня особенно не выспалась. В отличие от него самого. Судя по его бодрому виду и теплу, исходящему от крепкого тела, он еще успел, и потренироваться с утра.

– Ага, сонная, – ответила я, чувствуя на себе любопытные взоры дочек. Они, кстати, тоже были причинами тому, что мой сон был не самый удобный. Особенно младшая, Марьям. Прошло всего 2 месяца, как я отлучила ее от груди, и малышка все еще помнила об этом и стремилась, так или иначе, пробраться к заветной цели. Эта ночь тоже не стала исключением. Оставалось надеяться, что она скоро успокоится и адаптируется к новому месту. Ей было особенно непросто. И я, как мама, должна была проявить терпение и мудрость.

– А ты просыпайся, Камил, – Тимур помог мне и достал со шкафчика тарелки, – сегодня, после обеда, к нам гости приедут.

– Гости? – пропищала я. Не то, чтобы я была против, но все еще не могла войти «в колею».

– Да расслабься ты, милая, – муж подмигнул мне, – все свои будут. Так, дочери, кто хочет кашу? Мама приготовила, пахнет вкусно.

– Я! – в один голос закричали наши дети.

Я смотрела на свою семью, которая с аппетитом уплетала за обе щеки кашу, и усталость с волнением относительно сегодняшнего вечера стали покидать меня. Тимур был, как всегда, прав – «будут все свои». Я счастливо улыбнулась. Наконец- то увижу и Ильнура, и Рустема (интересно, он перестал так часто хмуриться), и Наилия с их семьями. Соскучилась невозможно!!!

Тимур

Я уже привык, есть эту кашу по утрам, но иногда, все же, хотелось мяса. Наконец-то настоящее мясо будет на моем столе, намного, чаще (я имел в виду махан или казы (конскую колбасу)). Заметив переживание жены, решил ее подбодрить. Я не был уверен, что у меня получится, но решил попробовать.

– Если хочешь, Камила, давай поедем всей семьей в развлекательный центр, поиграем с детьми на площадке с клоунами, – произнес я.

– Ты же знаешь, что я ненавижу клоунов, – обиженно ответила Камила, и я опять понял, что профанулся.

– Я пошутил, дорогая, клоуны скоро сами приедут к нам. Вернее, один. Ильнур. Вот и повеселит, – я улыбнулся, поглядывая на жену.

– И Рустем, и Наиль? И их семьи? – произнесла она, ее глаза радостно заблестели.

– Да.

– Я так по ним соскучилась! – мечтательно протянула Камила, и моя ревность тут же пробудилась.

– Джаным, – незаметно для себя, прорычал я, – ты можешь скучать только по мне, а по ним – есть – кому скучать.

Ощущая в груди прилив возмущения, ревности и опасности, я стрельнул в ее сторону взглядом, ожидая непромедлительной реакции в мою сторону в виде извинений и успокоения моего внутреннего деспота.

– Любимый, – выдохнула она, качая головой, – это твои братья, и твоя семья. И я им рада. Но, безусловно, ты – мой единственный во всем мире человек, которого я всегда так жду и по которому столь сильно скучаю.

Я тут же самодовольно улыбнулся.

– Почаще говори мне такие слова, джаным, – произнес я.

Дети, с ложками во рту, сидели и смотрели на нас, не понимая, что происходит. Кажется, я начал вспоминать, что такое ревность. В эмиратах я был единственным мужчиной, кто находился рядом с Камиллой (не считая наших редких поездок из дома, и то, жена тут же надела абаю, прекрасно понимая, сколько внимания привлекает к себе своей исключительно красивой внешностью). А тут – братья, толпой, придут в мой дом. И она, видите ли, соскучилась.

Я обратился к дочкам максимально мягким тоном.

– Кушайте кашу, – я неестественно широко улыбнулся, и Самира прошептала:

– Папа, а что с твоим лицом?

Тут я понял, что улыбка не особо удалась.

– Папа слэк, – сделала вывод Марьям, буравя меня взглядом.

Камила, не выдержав, мелодично рассмеялась.

– Ты не подскажешь мне, кто такой слэк? – обратился я шепотом к жене. – Это то, что я думаю? Это – Шрек?

Камила закивала головой и еще громче захохотала. Кухня наполнилась нашим веселым смехом.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тимур

Звонок с домика охраны известил о прибытие гостей. Длинный кортеж из 5 машин заехал на территорию, сигналив и моргая фарами, как на свадьбе. Я, предвкушая встречу с братьями, улыбнулся.

– Джаным! – крикнул я. – Гости приехали!

– Слышу, слышу, разве такое можно не услышать, – она вышла из спальни, взволнованная и уже, как 2 часа готовая, встретить братьев с семьями.

Дочки, поймав волну переживаний Камилы, возбужденно бегали и радостно кричали:

– Клоун, сейчас будет клоун!

И когда, и, самое главное, от кого, они успели это услышать? Наверное, за завтраком дети были очень внимательны к моим словам. Мои дети. Я улыбался уже самодовольно.

Я контрольно осмотрел жену и ее наряд, ища какие-нибудь недостатки или признаки сексуальной привлекательности. И ничего, кроме последнего, не нашел. На ней было длинное платье синего цвета, в тон ее кольцу с сапфиром, которое я подарил Камиле на её 24-летие.

Ревность стала подступать ко мне, но я вовремя опомнился. Мы в России, здесь все так ходят, и даже не только так.

– Давай, открывай скорее дверь, – повиснув на моей руке, попросила жена.

Я потянул тяжелую дверь на себя, и толпа долгожданных гостей зашла в наш дом.

Первым, кто попал в мои крепкие объятия, был Наиль. Я сжал его, ощущая тепло в груди. Мы похлопали друг друга по плечу, улыбнулись.

– Давайте, проходите, вас уже Камила заждалась.

Наиль вместе с женой, Региной и рыжеволосой девочкой, ровесницей Марьям, прошли в зал, следуя за Камиллой. Теперь пришел черед обниматься с Ильнуром, который, сверкая черными глазами, нес в руках упаковку киндер-сюрприза.

– Только не бей, не знал, что принести, – шутливым тоном произнес брат.

Мы рассмеялись, я обнял его, с благодарностью принимая подарки. Его жена, Айсылу, произнесла, протягивая коробку:

– А еще торт, фирменный, «тамнюшки от Айсылушки».

– О, наслышан, несите, все проглотим, – я подмигнул синеглазому малышу, которого я видел еще того, когда он родился в ОАЭ, сыну Ильнура и Айсылу.

– Вах, какой джигит, – присев на корточки перед племянником, произнес я. Синеглазый мальчик довольно заулыбался и сказал:

– Я – Халид.

– Халид! Как вырос! Настоящий батыр! – шутил я.

Ильнур со своими, прошел дальше, и, наконец, я обнял Рустема, вспоминая нашу самую последнюю историю с Болгариним. Такие испытания укрепляют куда сильнее родственных связей.

– Ты как, брат? – спросил я. Видя на его суровом лице слегка замаскированную улыбку, я уже знал ответ.

– Нормалды булды, – протянул Рустем, и его губы, наконец, изогнулись в улыбке.

«Нормалды булды» – это был только нам понятный, чисто ордынский прикол. Означало – нормально стало. Рядом с ним стояла его жена, София. Она вежливо улыбнулась, и я заметил в ее серо-синих глазах желание поскорее проскользнуть мимо меня.

– Проходите, – я сжал Рустема еще разок, а затем, он со своей женой, и следом я, с остальными – Рамилем, Каримом, пошли в зал.

Камила

Не передать словами все те эмоции, что я испытала, когда увидела братьев и их семьи. Против воли, мои глаза увлажнились, и я готова была вот-вот расплакаться. Возможно, мою чувствительность можно было списать на шалящие гормоны, но правда заключалась в том, что я всегда была такой.

Первым в поле моего внимания попал Наиль. Я тут же вспомнила эпизод из прошлого, как Тимур зашивал его рану. Как давно это было! Теперь этот благородный красавец был женат на прекрасной, рыжеволосой женщине.

– Регина! – выдохнула я, бережно обнимая жену Наиля. Она ответно обняла меня, вкладывая в это все тепло своего сердца. Я почувствовала это. Затем, мой взгляд устремился на хорошенькую, рыжеволосую малышку, их дочку, Юлдуз. Я улыбнулась ей, и в ответ получила одну из самых очаровательных улыбок в мире. Подбежавшая Марьям, переключила внимание маленькой гостью на себя.

Когда настал черед встречать Ильнура, то я не смогла сдержать слез счастья и веселья. Один взгляд на коробку с яйцами киндер-сюрприз, как по моим щекам побежали соленые потоки.

– А почему мама плачет и смеется? – спросила Самира, вопрошающе глядя на всех нас.

– Наверное, это тот самый клоун, – философски заметила Ясмينا.

Теперь пришел черед смеяться Ильнуру. Я, как и Наиля, не стала обнимать его. Всю свою радость от нашей встречи я отдала Айсылушке, жене Ильнура. Я нежно стиснула ее, боясь сделать больно. Синеглазая красавица выглядела хрупкой, но я-то знала, несмотря на это, у нее сильный характер. Ведь она – супруга Ильнура.

Синеглазый мальчонка, казалось, соединил в себе красоту обоих родителей. Сын Айсылу и Ильнура, несомненно, в будущем вскружит голову не одной девушке. Он присоединился к Наилу и Ильнуру – те уселись на диван.

Наконец, в комнату зашли Рустем и прекрасная София. Как она хороша! Нежная, красивая, такая изысканная – на фоне брутального Рустема, молодая женщина выглядела белокрылым ангелом. Я обняла ее с любовью и благодарностью. Потому что, стоило мне лишь один раз глянуть на Рустема, я почувствовала – он теперь по-настоящему счастлив. И я была признательна за это Софии.

Господи, какое счастье, найти своего человека! Я всегда мечтала об этом, а потом, обретя Тимура, я искренне желала этого его братьям. Моя мечта сбылась, и теперь я видела ее своими глазами.

Я радостно улыбнулась и произнесла, обращаясь к гостям:

– Я так вас всех люблю, я так рада вас видеть!!!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Тимур

Мы сидели с братьями за отдельным столом. Нам хотелось поговорить о своем, мужском. А женщины и дети пусть без нас веселятся. Я сразу же начал с дела.

– Раиль предложил сотрудничать с одной строительной компанией в дорожном деле. Я понимаю, в этом мы пока профаны, но нам предлагают хороший аванс. Сто кислых, для начала. Но у Раиля есть условие. Никто из родственников в деле не участвует. С одной стороны, я понимаю. Но с другой – что-то здесь подозрительное. Естественно, я буду играть по – белому. Мне чёрные пятна в политике не нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.